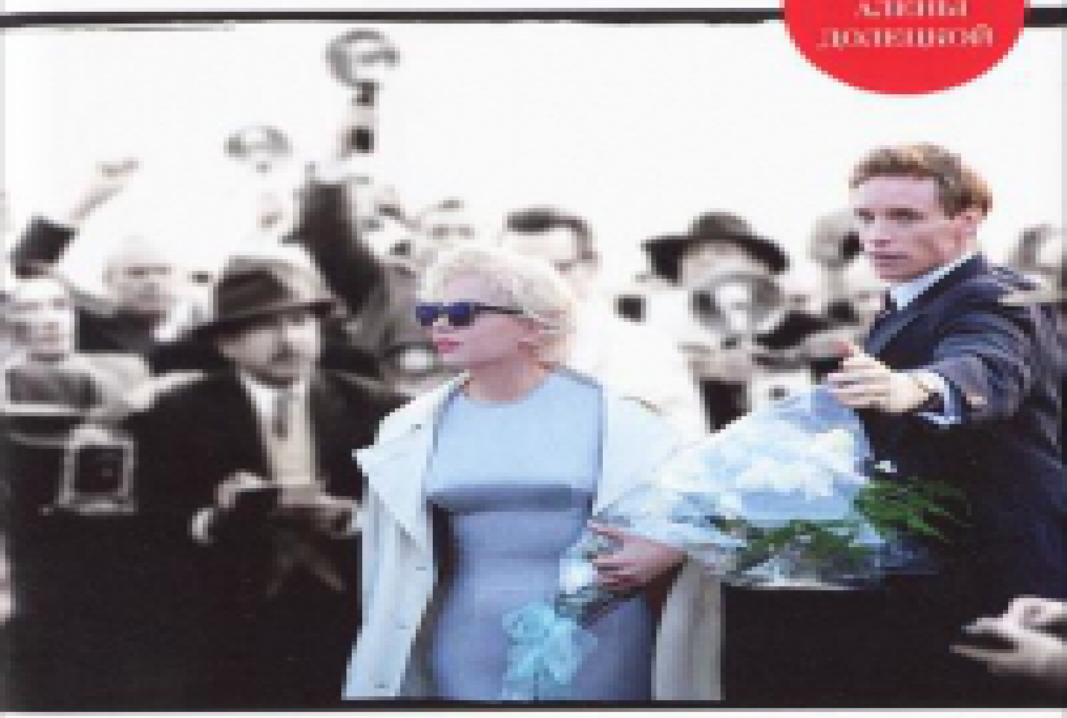
КОЛИН КЛАРК

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЕНЫ ДОЛЕЦКОЙ



МОЯ НЕДЕЛЯ С МЭРИЛИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издательство СЛОВО/SLOVO представляет: впервые на русском языке - новая книга из серии "Книжная полка Алены Долецкой" - Колин Кларк "Моя неделя с Мэрилин";Романтическая история, закулисье Голливуда и самая знаменитая блондинка XX века;Фильм "7 дней и ночей с Мэрилин", снятый по книге Колина Кларка, выходит в российский прокат 2 февраля 2012 года. Фильм номинирован на премии Золотой Глобус и Оскар в нескольких категориях;Текст дополнен фотографиями со съемок фильма "7 дней и ночей с Мэрилин", главную роль в котором исполнила Мишель Уильямс.Книга "Моя неделя с Мэрилин" - это дневник, который Колин Кларк вел во время съемок фильма "Принц и танцовщица" с Мэрилин Монро и Лоуренсом Оливье в главных ролях. Британский писатель и режиссер Колин Кларк - тогда, в 1956 году, двадцатитрехлетний выпускник Оксфорда - занимал скромную должность ассистента на площадке.Для Монро это был первый фильм за пределами Голливуда и еще одна попытка отойти от навязываемого образа пустой блондинки. Съемки проходили вскоре после ее свадьбы с Артуром Миллером. Она волновалась, нервничала, опаздывала. Всегда пунктуальный Лоуренс Оливье выходил из себя и злился. Обстановка была крайне напряженной.Колина Кларка в качестве ассистента, помощника и охранника, приставили к Монро, чтобы сопровождать звезду в путешествии по Англии в отсутствии Артура Миллера. Эти интимные, сокровенные записи молодого англичанина впервые выходят в книге "Моя неделя с Мэрилин". Дневники Кларка легли в основу одноименного фильма, российская премьера которого состоялась в начале 2012 года.

•

К. Кларк. «Моя неделя с Мэрилин»
Предисловие

Всю свою жизнь я вел дневники, но эта книга не относится к их числу. Это скорее волшебная сказка, чудесная фантазия, эпизод вне времени и пространства, который тем не менее имел место в действительности. А почему нет? Я верю в волшебство. В моей жизни и в жизни большинства людей постоянно происходят маленькие чудеса, удивительные совпадения, источником которых служат безотчетные импульсы или недостижимые мечты. Мы привыкли притворяться, что ничем не отличаемся от других,

что мы такие же, как все, но в глубине души каждый из нас знает, что он или она — единственные в своем роде.

В этой книге я постараюсь описать настоящее чудо: те несколько дней из моей жизни, когда сон стал явью и от меня требовалось лишь одно — не закрывать глаза. Разумеется, я не вполне понимал в то время, какое со мной случилось чудо. Я вырос в мире иллюзий. В детстве мои родители казались мне далекими и прекрасными существами, которых я видел лишь поздно вечером в роскошных туалетах. Друзья родителей тоже производили на меня впечатление чего-то экзотического. Актеры, художники, балерины и оперные певцы наводняли наш дом, а вместе с ними появлялось волнующее ощущение нереальности происходящего.

А еще у меня был старший брат Алан. Воображение Алана уже в то время не знало границ. Моя сестра-близняшка и я были совершенно им очарованы — он непрестанно повергал нас в изумление своими фантастическими выдумками и необычными играми. А потому неудивительно, что к двенадцати годам я решил: шоу-бизнес однажды станет и моей судьбой. Так оно и случилось.

Я получил свою первую работу в качестве помощника режиссера летом 1956 года, в возрасте двадцати трех лет. Меня пригласили на съемки фильма «Принц и хористка» с Лоуренсом Оливье и Мэрилин Монро в главных ролях. Я только окончил университет и не имел никакого опыта подобной работы. Меня взяли исключительно потому, что мои родители дружили с Лоуренсом и его женой Вивьен Ли. Супруги Оливье были частыми гостями в нашем доме, Солтвуд-Касл в Кенте, и я считал их частью моей большой семьи.

Известие о том, что Оливье, самый выдающийся актер классического плана своего поколения, собирается сняться в одном фильме с Мэрилин Монро, знаменитой голливудской кинозвездой, произвело настоящую сенсацию. Мэрилин должна была играть роль, которую исполняла сама Вивьен Ли в пьесе Теренса Рэттигана, послужившей основой для сценария к фильму. До тех пор Монро играла только девочек из хора — роли, которые не требовали большого ума. В 1955 году, после долгой борьбы, ей наконец удалось добиться пересмотра своего договора с компанией «20-й век Фокс». Тогда Мэрилин во всеуслышание заявила о своем намерении играть отныне более серьезные роли.

Но типажности не так-то просто избежать, особенно в кино. Ее первой работой после этого заявления стала роль певички (в фильме «Автобусная остановка»), а второй, выбранной для нее Милтоном Грином, ее партнером в недавно учрежденной компании «Мэрилин Монро продакшнз», — роль хористки. «Серьезного» в этих ролях было мало, — пожалуй, лишь то, что оба фильма были основаны на произведениях так называемых серьезных писателей. «Автобусная остановка» снималась по пьесе Уильяма Инге, а «Принц и хористка» — по пьесе Теренса Рэттигана «Спящий принц».

Съемки фильма «Принц и хористка», как его в итоге назвали (было решено, что в названии должно присутствовать упоминание о персонаже Мэрилин), не задались с самого начала. Оливье относился к Мэрилин подчеркнуто снисходительно и обращался с ней как с глупой, никчемной блондинкой. Это было именно то, чего Монро пыталась избежать, и потому она ужасно страдала. Такое отношение сильно подрывало ее уверенность в себе, и в результате Мэрилин была вынуждена постоянно обращаться за поддержкой и советом к своей «наставнице по драматическому искусству» Поле Страсберг. Оливье сразу невзлюбил Полу. Ее супруг, Ли Страсберг, руководитель актерской студии в Нью-Йорке, с помощью своей жены пытался удержать в узде Монро, с которой его разделял теперь Атлантический океан. В то же время Страсберг выжимал из Мэрилин немыслимые деньги, требуя непомерно большую зарплату для Полы, что создавало ему дурную славу. Новоиспеченный муж Монро, драматург Артур Миллер, обращался с ней как с трудным ребенком, и это также негативно отражалось на ее состоянии. Милтон Грин отчаянно пытался сохранить контроль над «своей» звездой и лишь потворствовал тому, что она принимала лекарства сверх всякой меры. Но вопреки всему Монро была решительно настроена доказать, что она умеет играть, несмотря на чувство собственной неполноценности, которое возникало у нее в присутствии Оливье и съемочной команды. Надо заметить, что все без исключения члены команды — англичане и суперпрофессионалы — были выбраны лично Лоуренсом Оливье специально для съемок этого фильма.

С первого же дня моей работы в качестве третьего ассистента режиссера — низшего из низших — я вел дневник. В нем я старался записывать все, что замечал. Я намеревался переписать его после окончания работы над фильмом, но мои заметки были

сумбурными и трудночитаемыми, и в конце концов я отложил свои записи до лучших времен, а потом просто забыл о них. Сорок лет спустя я откопал их и перечитал. Впоследствии они были изданы под названием «Принц, хористка и я».

Одного эпизода, тем не менее, в моем дневнике не было.

На протяжении девяти съемочных дней я не делал записей совсем. Совершенно неожиданно случилось нечто настолько драматичное и экстраординарное, что это не поддавалось описанию. В течение нескольких дней все внимание главных участников процесса — Лоуренса Оливье, Милтона Грина и, прежде всего, Мэрилин Монро — было, казалось, сосредоточено именно на мне. Словно софиты внезапно осветили меня — эдакого рыцаря без страха и упрека или же злодея.

Когда все вернулось в обычное русло, я продолжил писать дневник. Даже законспектировал ключевые, как мне казалось, события тех «пропущенных» дней, но этим все и кончилось. Только после завершения съемок я смог предаться воспоминаниям и рассказать о том, что произошло, в письме другу, для которого я и вел свой дневник.

Итак, перед вами история тех памятных девяти дней. Разумеется, она гораздо подробнее, чем письмо (текст которого воспроизведен в конце этой книги), но я не стану оправдываться. Ведь все подробности по-прежнему свежи в моей памяти, как будто это случилось вчера.

Я не имел права писать эту книгу, пока Мэрилин была жива. Я пишу ее сейчас, потому что хочу отдать должное женщине, изменившей мою жизнь. Я спас бы ее, если бы мог.

Вторник, 11 сентября 1956

А Роджер не может с этим разобраться? — раздраженно спросил Милтон Грин.

Милтон и я прогуливались по недавно положенному газону перед гримерной комнатой Мэрилин Монро в «Пайнвуд студиос». Как обычно, Милтон не мог принять решение.

— Я не уверен, что кто-то из съемочной команды должен приближаться к ее дому Даже ты, Колин.

— Я арендовал этот дом для Мэрилин, как и твой — для тебя, — возразил я. — Нанял ей телохранителя — Роджера, пригласил повара, взял на работу дворецкого и водителя. Я знаю всех этих людей очень хорошо. Если мы не будем в должной мере внимательны к их проблемам, они просто уйдут. Роджер — отличный парень, но он полицейский. Он привык иметь дело с подчиненными, с нижестоящими по званию... Милтон, послушай, нельзя обращаться с прислугой подобным образом. Нужно вести себя так, будто они — часть твоей семьи. Поверь мне, Милтон, я знаю это не понаслышке. Моя мать больше беспокоится о своем поваре, чем обо мне.

Милтон, простонав, схватился руками за голову. Он вложил огромные усилия — и внушительную сумму из собственного кармана, как он мне объяснил, — чтобы Мэрилин была довольна и счастлива во всех отношениях. Для нее в Пайнвуде построили роскошную гримерную, в белых и бежевых тонах, а я арендовал для Мэрилин самый великолепный дом из всех, что смог найти, — Парксайд-Хаус в предместье Инглфилд-Грин, в нескольких милях от Пайнвуда. Этот дом принадлежал Гарретту и Джоан Мур, старым друзьям моих родителей. Но, несмотря на все наши усилия, Мэрилин, казалось, была не удовлетворена. Милтон в беспокойстве расхаживал взад-вперед.

— Хорошо, Колин, поезжай в Парксайд, если это необходимо. Мы не можем допустить, чтобы слуги ушли. Мэрилин будет в ярости. Но что бы ты ни делал, помни: она не должна тебя видеть. Все-таки ты личный помощник сэра Лоуренса. А она определенно не в восторге от него.

Это была истинная правда. Спустя всего лишь три недели с начала съемок между двумя знаменитыми актерами разверзлась пропасть. В итоге все были вынуждены принимать ту или другую сторону. Оливье привлек к съемкам одних британцев, чтобы обеспечить себе максимум поддержки. Мэрилин же привезла с собой из Голливуда всего несколько человек — включая гримера и парикмахера, — и все они к этому моменту уже успели уехать обратно. В студии у нее не было никого, кто мог бы поддержать ее, кроме Полы Страсберг, ее наставницы по драматическому искусству. Разумеется, прилетел с Мэрилин и ее новый муж, драматург Артур Миллер (этот брак — для нее третий, для него второй — состоялся за две недели до того, как они прибыли в Англию для работы над фильмом), но он дал зарок не

вмешиваться в съемки.

Милтон Грин был деловым партнером Мэрилин и сопродюсером фильма, но она, казалось, совсем его не слушала, вероятно, из-за Миллера, уязвленного тем фактом, что Милтон когда-то был ее любовником. А потому Грин отчаянно нуждался в единомышленниках. Я был всего лишь третьим помощником режиссера — человеком, которому любой мог сказать, что делать, — и потому едва ли мог представлять для кого-то угрозу. Но Мэрилин — если она вообще меня замечала, — казалось, всегда сочувствовала, когда на меня орали. В то же время я был все-таки личным помощником Оливье, а значит мог бы оказаться полезным Милтону. Поэтому Грин и решил, что мы должны подружиться. Сейчас он, вероятно, догадывался, что я просто ищу предлог, чтобы поехать в дом Мэрилин, — и был совершенно прав. В конечном счете половину своего времени он тратил на то, чтобы не подпускать никого к Мэрилин, потому что знал: она — магнит, который притягивает к себе абсолютно всех, даже юного помощника режиссера, на семь лет младше ее. Конечно, я должен был уже привыкнуть к «звездам». В конце концов, Вивьен Ли и Марго Фонтейн были закадычными подругами моих родителей. Но две эти дамы, бесспорно прекрасные, все-таки были смертными. А Мэрилин — настоящая богиня, и относиться к ней нужно соответственно.

— Я между молотом и наковальней, Колин, — со вздохом сказал мне Милтон.

Было утро, светило ослепительное летнее солнце, но мы ждали прибытия Мэрилин уже больше часа, и Милтон явно начинал терять терпение.

— Почему Оливье не может просто принять Мэрилин такой, какая она есть? — вопрошал он. — Вы, британцы, считаете, что все должны работать от звонка до звонка, даже звезды. Оливье разочарован, потому что Мэрилин ведет себя не как какая-нибудь актриска второго плана! Почему он не может приспособиться? О, внешне он очень вежлив, но Мэрилин-то видит его насквозь. Она чувствует, что Оливье вот-вот взорвется. Джош Логан1, бывало, покрикивал на нее, но он все же работал с ней такой, какая она есть! Мэрилин боится Оливье. Ей кажется, что она никогда не сможет соответствовать его ожиданиям.

— Вивьен говорит, что Оливье, впервые увидев Мэрилин,

поддался ее чарам, как и все остальные, — сказал я. — Она даже утверждает, что он хотел закрутить с ней роман. А Вивьен редко ошибается.

— О, Мэрилин может обворожить любого мужчину, если она того захочет, но, если ее вывести из себя, это уже совсем другая история. Тогда спасайся кто может!.. Ну и где она, черт возьми?

— А мне послышалось, как ты сказал, что ей не нужно работать от звонка до звонка.

— Да, но когда ее собственные деньги улетают в трубу — и мои...

— А я буду только рад, даже если она заставит нас прождать весь день. На съемочной площадке ужасно шумно и душно, и эта обстановка угнетает. Я сочувствую Мэрилин.

— Да, но это ее работа!

В этот момент большой черный автомобиль Мэрилин с шумом вывернул из-за угла студийного павильона. Его мгновенно окружила толпа людей, которые словно материализовались из воздуха. Новый гример, костюмерша, парикмахер, помощник режиссера Тони Бушелл, заведующий постановочной частью — все наперебой требовали к себе внимания бедной женщины. Рядом с ней семенила Пола Страсберг со сценарием в руках, кроме того, Мэрилин сопровождал детектив и главный суперинтендант Роджер Смит, бывший сотрудник Скотленд-Ярда, — он, как обычно, охранял звезду и нес ее сумки. Неудивительно, что, атакованная толпой, она пробежала в гримерную как загнанный зверь, не замечая ни Милтона, ни, разумеется, меня.

Как только Мэрилин исчезла за дверью гримерной, а Милтон уныло поплелся к ней, я принялся «обрабатывать» Роджера. Я понимал, что у меня есть всего несколько секунд на объяснения. Роджеру нужно было возвращаться в Парксайд-Хаус; к тому же Дэвид Ортон, мой босс на съемочной площадке, вскоре заметил бы мое отсутствие.

— Я сегодня вечером заеду в Парксайд поговорить с Марией и Хосе, — объявил я ему. Мария и Хосе, повариха и дворецкий соответственно, были португальцами. Я сам нанял их для Мэрилин. — Милтон дал добро.

— Да? Проблемы, что ли? — Роджер казался настроенным весьма скептически.

— Это не займет много времени, но я непременно должен успокоить их. Будет невероятно сложно найти им замену. А потом мы с тобой можем выпить чего-нибудь и перекусить. Попроси Марию сделать нам сэндвичей.

Роджер бесконечно предан Мэрилин. Он тридцать лет прослужил в полиции, а теперь настал его звездный час. Он следует за Мэрилин повсюду, как верный Лабрадор. Я не знаю наверняка, насколько он окажется полезен в критической ситуации, но он довольно проницателен и может распознать неприятность еще в зародыше и не дать ей случиться. Я изначально предполагал, что он раскусит мой коварный замысел, как и Милтон, но Роджеру не с кем поговорить вечером и он умирает со скуки. Он напоминает мне инструктора по строевой подготовке. Мне приходилось иметь с такими дело, когда я был лейтенантом авиации в регулярных ВВС. Во всяком случае мы с Роджером неплохо ладим. Все остальные в окружении Мэрилин говорят на языке кино, к которому Роджер питает отвращение. А со мной он может поболтать на простом английском.

— Поэтому тебе не нужно приезжать за Мэрилин сегодня вечером, — продолжал я. (Если он приедет, в машине не найдется места для меня.) — Я поеду впереди с Эвансом, а потом он отвезет меня обратно, в Пайнвуд.

Эванс — водитель Мэрилин. Как и Роджера, его нанял я. Эванс — тупица, каких я еще не встречал. Мне кажется, что он даже не знает, кто такая Мэрилин Монро; но хотя бы выполняет все, что ему говорят, — это самое главное.

— М-м-м, — с сомнением протянул Роджер, но затем из здания послышался пронзительный крик: «Колин!», и я умчался прочь, прежде чем он успел что-либо добавить.

Я знал семью Оливье с самого детства; к моим родителям вообще приходили целые легионы знаменитостей. Но Мэрилин другая. Она будто окутана облаком славы, которое и защищает ее, и притягивает к ней. Ее аура невероятно сильна — так сильна, что ее излучают тысячи киноэкранов по всему миру, но она не угасает. Вживую это качество усиливается во сто крат, и, кажется,

что сияние невозможно вынести. Оказавшись рядом с Мэрилин, я не в силах отвести взгляд. Я словно не могу насмотреться на нее — вероятно потому, что я не могу увидеть, узнать ее по-настоящему. Это чувство легко можно спутать с любовью. Неудивительно, что у Мэрилин столько поклонников и ей приходится быть крайне осторожной. Я полагаю, именно по этой причине она проводит большую часть времени в четырех стенах и именно поэтому с таким трудом заставляет себя приезжать в студию, не говоря уже о том, чтобы приезжать вовремя. А когда она наконец появляется, то стрелой проносится из машины в гримерную. Она кажется напуганной и имеет на это все основания. Я знаю, что не должен уподобляться тем, кто досаждает ей, но я не могу уйти с ее орбиты. И так как Оливье платит мне за то, чтобы я делал жизнь Мэрилин проще и спокойнее, я внушаю себе, что имею полное право держаться в непосредственной близости от нее.

Едва войдя в здание студии, я попал в переплет.

— Колин! Где ты был, черт возьми? — Дэвид говорит это всякий раз, когда видит меня, даже если я отсутствовал всего десять секунд. — Ты нужен Оливье прямо сейчас. Уже десять, а Мэрилин только приехала! Нам повезет, если мы успеем сделать хотя бы один кадр до обеда...

И так далее, и тому подобное.

Почему они никак не поймут, что — нравится им это или нет — таковы привычки Мэрилин, и мы вынуждены к ним приспосабливаться? Зачем заострять на этом внимание? Оливье утверждает, что, если не устроить разнос, она вообще перестанет приезжать, но я в этом не так уверен. Мэрилин хочет играть. Даже больше того: она хочет играть именно с Оливье. Если этот фильм снискает успех, Мэрилин докажет всему миру, что она серьезная актриса. Я думаю, что она регулярно приезжала бы на съемки и даже не опаздывала, если бы ее оставили в покое. Но ни одна кинокомпания не станет так рисковать. Оливье говорит о Мэрилин так, словно она не более чем сексуальная красотка, совершенно безмозглая. Кажется, он не испытывает по отношению к ней никаких эмоций, кроме презрения. По его убеждению, Мэрилин не умеет играть, а все потому, что она, в отличие от него, не может «влезть» в свою роль, как в очередное платье. Кроме всего прочего, Оливье раздражает то, что она пользуется услугами Полы. Он отказывается понять, что Пола

находится здесь лишь для того, чтобы приободрить и поддержать Мэрилин, а не для того, чтобы учить ее играть роль. Стоит только просмотреть отснятый материал, и становится ясно: у Мэрилин получаются великолепные кадры. Проблема заключается в том, что Лоуренса так выводят из себя все эти ее «ум-м» и «ах», пропущенные сигналы режиссера и сбивчивые реплики, что он уже не замечает проблесков гениальности, когда они случаются. Каждый вечер, просматривая отснятый за прошедший день материал, Оливье вспоминает о тех муках, которые ему пришлось пережить, и он, кажется, получает от этого своеобразное извращенное удовольствие. Почему бы ему не попросить редактора сразу вырезать все неудачные кадры и показывать только те куски, которые удались хорошо, пусть их и мало? Как было бы замечательно! Мы все заходим в зал, гаснет свет, на экране — эпизод с Мэрилин, которая выглядит ослепительно и помнит все свои слова. Когда свет загорается снова, зал взрывается аплодисментами, Мэрилин едет домой вдохновленная, а не подавленная, редактор доволен, Оливье счастлив.

К сожалению, это лишь мечты, Колин! По какой-то неизвестной мне причине — вероятно, имеющей психологические корни, хотя винят во всем, разумеется, техническую необходимость, — мы вынуждены просматривать каждую запинку и заминку сквозь увеличительное стекло, и так снова и снова, неудача за неудачей. И вот мы все вздыхаем и жалуемся, а Мэрилин, если она при этом присутствует, едет домой, сгорая от стыда. О, как бы я хотел тихо поговорить с ней и приободрить ее! Но вокруг нее и без того слишком много людей, которые этим занимаются, — и заведомо терпят крах.

За пять недель, минувших с тех пор как Мэрилин въехала в Парксайд, я был там лишь однажды. Я и не надеялся, что, когда я снова туда приеду, мне выпадет возможность поговорить с ней, или хотя бы увидеть ее. Все, чего я в тот момент хотел, — это прокатиться на переднем сиденье машины, зная, что сзади сидит это небесное создание. Я хотел почувствовать себя так, словно это ее телохранителем был я, а не Роджер. Хотел почувствовать, что ее безопасность зависит от меня. К счастью, Эванс вообще меня не замечает, как и Пола Страсберг. Она днями напролет «наставляет» Мэрилин в студии, а кроме Полы, надо сказать, рядом с Мэрилин крутятся шестьдесят или около того техников, не говоря о двадцати других актерах и самом Оливье. В машине Пола удваивает усилия. Она порывисто сжимает руку Мэрилин и

не перестает говорить с ней, не делая ни малейшей паузы за всю поездку. Пытаясь вселить в Мэрилин уверенность, она повторяет снова и снова: «Ты была просто великолепна. Ты великая, ты замечательная актриса. Ты чудо, ты божественна...» и так далее, и тому подобное.

В конце концов, расточая похвалы и комплименты и не переставая превозносить актерское мастерство Мэрилин, Пола настолько перегибает палку, что даже сама Мэрилин начинает чувствовать себя неуютно. Пола действует так рьяно потому, что знает: у нее осталось совсем немного времени, чтобы окончательно подорвать психику Мэрилин на сон грядущий и тем самым стать еще нужнее ей завтра.

Разумеется, Оливье, как режиссер фильма, крайне возмущен присутствием Полы. Она ничего не смыслит в технических деталях съемочного процесса и часто подзывает свою подопечную к себе, чтобы дать ей какие-нибудь «наставления», как раз когда Оливье объясняет Мэрилин, что ему от нее нужно как режиссеру. В таких ситуациях я искренне восхищаюсь терпением Оливье. Тем не менее мне нравится Пола, мне даже жаль эту невзрачную маленькую дамочку, неизменно одетую в оттенки коричневого, с очками на голове и сценарием в руках, которая изо всех сил пытается удержаться на ногах в сокрушительном торнадо кинобизнеса.

Единственный человек, которого, похоже, совершенно не трогает происходящее, это Артур Миллер. Вероятно, именно поэтому он так мне неприятен. Я должен признать, что Миллер никогда не был груб со мной. Наши пути пересекались четыре раза: когда они с Мэрилин приземлились в английском аэропорту, когда они прибыли в Парксайд, один раз в студии и еще раз на встрече с семьей Оливье, — и все четыре раза он меня полностью игнорировал. С другой стороны, он имеет полное право так поступать. Среди съемочной команды нет никого младше меня. Я здесь только для того, чтобы жизнь Мэрилин в Англии, а следовательно, и его собственная жизнь, протекала более гладко.

И все же я не могу сказать, что считаю себя безгласым слугой. Я организатор, посредник. Лоуренс Оливье мне доверяет. Как и Милтон Грин. Но Артур Миллер принимает всё как должное — свой дом, свою прислугу, своего водителя, телохранителя своей жены и даже, как мне кажется, свою жену. Вот что меня так злит.

Как можно принимать Мэрилин Монро как должное? Она смотрит на него с таким обожанием; но опять же, она актриса. Вивьен Ли часто смотрит так на Оливье, правда ему, похоже, на это наплевать.

Миллер выглядит чертовски самоуверенным. Я уверен, что он великий писатель, но это не значит, что он имеет право быть таким высокомерным. Вероятно, он производит такое впечатление из-за своих очков в роговой оправе, высоко поднятых бровей и трубки. Вдобавок ко всему у него такой горделивый взгляд, в котором читается: «Я сплю с Мэрилин Монро, а вы нет. Вы ничтожество».

Все эти мысли с бешеной скоростью вращались в моей голове, когда тем вечером я запрыгнул на переднее сиденье черного автомобиля. Незадолго до этого я отнес в гримерную Оливье виски и сигареты и сказал Дэвиду, что мне нужно съездить в Парксайд-Хаус по срочному делу, и как бы намекнул, что буду шпионить за Мэрилин для Оливье. Так как Дэвид вечно старается просчитать дальнейшие действия Мэрилин, чтобы спланировать расписание съемок, он счел это превосходной идеей.

Сидя на переднем сиденье машины Мэрилин Монро, я ощущал себя страшно важным; но как только мы прибыли в Парксайд-Хаус, Мэрилин вбежала в дом со скоростью пули. Даже Пола не могла за ней угнаться, но, должно быть, она знала, что настал черед Артура принимать эстафету, а потому покорно поплелась в дом с таким удрученным видом, будто потеряла своего ребенка.

Роджер вышел из дома мне навстречу, ворча, пофыркивая и раздувая щеки, как безбородый Сайта Клаус, и мы с ним направились к черному ходу. Затем, как я и предполагал, Эванс уехал. Он сидел в машине с полседьмого утра, и, вероятно, меньше всего хотел, чтобы ему дали еще какое-нибудь задание или поручение.

— Он же должен был подождать и отвезти меня обратно в Пайнвуд! — воскликнул я. — Теперь я застрял здесь без машины. Мне придется идти пешком до деревни и там ждать автобуса!

— Не беспокойся, — протянул Роджер лениво. — Как только все угомонятся и лягут спать, я тебя подброшу. Иди поговори с Хосе и Марией, а потом мы выпьем чего-нибудь и покурим, пока

все не успокоятся.

Это означало, что у нас будет возможность посплетничать и вдоволь посмеяться над ненормальным поведением людей из мира кинобизнеса. Я порой делаю это с Оливье, но с ним мне приходится быть осторожным, чтобы не дай бог не перейти границу. Роджеру же я могу сказать абсолютно все, а он просто улыбнется и продолжит пыхтеть своей трубкой — никогда не скажет ни слова против Мэрилин, а при упоминании об Артуре просто закатит глаза.

Разговоры с Хосе и Марией до сих пор сводились к тому, что они где-то с полчаса наперебой вещали о своих проблемах. Они оба говорят по-английски очень плохо, а португальский тут, естественно, никто не понимает. Я, хоть и бывал в Португалии, помню лишь несколько примитивных фраз. Я просто говорю: «Pois» («Да, конечно...»), когда возникает пауза, что обычно срабатывает. На этот раз, однако, все оказалось гораздо серьезнее, чем обычно, и мне пришлось вспоминать свой школьный латинский, чтобы догадаться, какого черта тут происходит.

— Мииз Миллер, — сказали они (Артура и Мэрилин им представили как «мистера и миссис Миллер», а так как за всю свою жизнь они ни разу не были в кино, то, похоже, даже не догадывались, кто перед ними), — мииз Миллер спит на полу.

Они как бы говорили: «Это потому, что мы не так застелили постель? Значит, она спит на полу по нашей вине. Если так, то мы должны уйти».

Этот вывод показался мне весьма эгоистичным даже по меркам домашней прислуги. Я пообещал им изучить этот вопрос и поспешил заверить их, что они ни в чем не виноваты.

— Этот дом «louca», — сказали они. То есть сумасшедший.

Посреди ночи в нем раздавались крики, а посреди дня царила мертвая тишина. Мистер и миссис Миллер не разговаривали с ними. Миссис Миллер вела себя так, словно спала на ходу.

Я понял, что мне нужно проявить твердость.

— Это не ваша забота, — сказал я строго. — У миссис

Миллер очень сложная работа. Ей приходится беречь энергию. И она не говорит на португальском, поэтому не может поговорить с вами, даже если у нее есть такое желание. Не берите в голову. Компания платит вам хорошие деньги, чтобы вы ухаживали за мистером и миссис Миллер. Мы считаем, что вы лучшие, в ином случае мы бы не просили вас остаться.

Эта политика возымела желаемый эффект. Они оба нервно кивнули и поспешно вышли из комнаты. Я отправился на поиски Роджера.

— В чем дело, Роджер, старина? — спросил я, отыскав его. — Мария говорит, что Мэрилин спит на полу!

Роджер поднес свой кривой палец к носу и загадочно хмыкнул. Я не вполне уверен, что это означает. Иногда он сопровождает этот жест следующими словами: «Что кивай слепому, что подмигивай — результат один». Это меня, мягко говоря, озадачивает, если не сказать больше.

— Какие-то проблемы между мистером и миссис М.? — спросил я. — Они же только несколько недель женаты!

— Я не слышал, чтобы кто-то из них жаловался, — ответил Роджер, лукаво взглянув на меня. — Но зато я слышал, как они играют в поезда ночи напролет. В этом сомнений у меня нет.

«Игрой в поезда» Роджер называл любовь во всех ее проявлениях.

— Спать на полу — по мне, не самый лучший способ играть в поезда, — заметил я.

— А кто говорит о том, что они спят?

— Ну, Мария... — неуверенно сказал я.

— Мария может ошибаться. Просто потому что постельное белье валяется на полу... Да что Мария вообще знает? У Мэрилин медовый месяц. Она может делать что хочет. Это не наше дело. А теперь я пойду проверю сад — нет ли там репортеров, притаившихся в кустах. Побудь пока здесь, а когда я вернусь, мы поднимемся наверх и выпьем. Только не ходи без меня и не пытайся что-нибудь выведать. — Он прочитал мои мысли. —

Артур и Мэрилин, вероятно, еще внизу, а с ними Пола и Хедда. (Хедда Ростен — бывшая секретарша Артура Миллера из Нью-Йорка, которая вела себя как закадычная «подружка» Мэрилин.) Вечно они слоняются по дому! Зачем они нужны в медовый месяц, я не знаю. Бедная Мэрилин. У нее нет ни единой минуты покоя. Неудивительно, что она проводит столько времени в спальне.

Роджер еще раз хитро ухмыльнулся и ушел.

— Да, но это ее третий медовый месяц, — бросил я вслед его удалявшейся спине. — Все уже так предсказуемо...

Вернувшись со своего обхода, Роджер ясно дал понять, что не намерен больше обсуждать чету Миллеров. По его мнению, это было неуважением, даже предательством. Я уверен, что, когда он работал в полиции, лояльность по отношению к коллегам была для него важнее всего. Теперь он дарил всю свою верность Мэрилин. Он поддался ее чарам, как и все остальные, но она пробуждала в нем скорее отеческие, нежели любовные чувства. Не стоило забывать, что где-то существовала миссис Роджер, сгорбившаяся над своим вязанием. Я, правда, надеюсь, что она такая же милая, как и сам Роджер. Когда я приглашал его на работу, он сказал, что женат уже больше тридцати лет и у него сын моего возраста. «Он служит», — не без гордости заявил Роджер.

Мы поднялись наверх в его комнату, и он достал бутылку скотча и пару стаканов.

— За «Мэрилин Монро продакшнз», — торжественно провозгласил он.

«Мэрилин Монро продакшнз» платила ему, но не мне.

— За «Лоуренс Оливье продакшнз», — парировал я, сев и закурив сигарету.

На минуту воцарилась тишина.

— Роджер, — осторожно начал я, — ты знаешь, что входит в мои обязанности: выявлять все, что может повредить съемкам, и сообщать об этом Оливье. Так что давай, расскажи мне, как тут у вас дела?

— Отвяжись, Колин, — добродушно сказал Роджер. — Моя задача — охранять Мэрилин. Ты сам это говорил, когда брал меня на работу. Этим я и занимаюсь. Вот только вчера поймал одного из этих проклятых репортеров — висел на водосточной трубе под окном у Мэрилин. Он умудрился перелезть через забор, пересек газон и залез на первую же трубу, которую увидел. Еще несколько минут, и он бы оказался в туалете у Мэрилин. Вот бы был сюрприз! — Роджер не то усмехнулся, не то фыркнул, а затем вновь пустился в рассуждения на больную для него тему: о прессе. Чего он не выносил, так это пронырливости и наглости репортеров. Он всю свою жизнь ловил преступников — людей, которые нарушали закон. Теперь же ему приходилось иметь дело с людьми, которые не уважают приличия и готовы пойти на что угодно, чтобы получить желаемое, но ведут себя скорее как шаловливые школьники, нежели как члены преступного клана.

— Что я могу сделать, Колин? Я не могу их арестовать. Мне не позволено бить их. Все что я могу сделать — это вышвырнуть их вон и ждать, когда они заявятся снова.

Роджер мечтал, чтобы кто-нибудь совершил покушение на его любимую Мэрилин, а он бы спас ее как средневековый герой. А пока его главные враги — фотографы из News of the World, и Роджеру приходится иметь дело с ними.

Когда мы допили виски, Роджер спустился и вернулся с тарелкой сэндвичей, которые сделала Мария, и несколькими бутылками пива. К половине одиннадцатого мы совершенно расслабились, но за окном уже темнело, а мне еще предстояло решить, где ночевать. Роджер с радостью отвез бы меня домой, но я был не вполне уверен, что он в состоянии это сделать. Его глаза были влажными, а нос ненормально красным.

— В конце коридора есть свободная комната, — сказал я с надеждой.

— Не думаю, что кровать застелена, — возразил Роджер. — У Марии случится удар, если она узнает, что ты там спал. Да и что подумает Мэрилин, когда ты сядешь в машину завтра утром?

— Боюсь, она меня даже не заметит. Но ты прав, я лучше вызову такси. — Я открыл дверь комнаты Роджера и выглянул в коридор. В доме было тихо, как в могиле.

— Пола и Хедда ложатся спать в десять, — пояснил Роджер, — а Хосе и Мария сейчас, должно быть, в своих комнатах, так что ты в полной безопасности. Ты знаешь, где выход?

— Ну, разумеется, знаю, — сказал я с помпой. — Я много раз был в этом доме. Не забывай, что его владельцы — друзья моих родителей. (На самом деле я был здесь всего лишь дважды, а наверху — и вовсе один раз.) Я могу позвонить из кухни. Я видел на стене телефонный номер местной таксокомпании. Ты ложись спать, со мной все будет в порядке.

Я выскользнул за дверь и плотно закрыл ее за собой.

К несчастью, именно в такие ответственные моменты мать-природа часто о себе напоминает. Вопрос: «Куда мне повернуть — влево или вправо?» вскоре отошел на задний план. Я понял, что у меня осталось каких-нибудь тридцать секунд, чтобы найти туалет. На самом деле расположение туалетов в подобных домах весьма предсказуемо. Они часто оказываются прямо у лестницы, в маленьком закутке, и выдают свое присутствие тихим, монотонным шипением. В столь отчаянном положении мне потребовалось совсем немного времени, чтобы найти открытую дверь с выключателем, удобно расположенным на стене внутри. Но когда несколько мгновений спустя я вышел, испытав огромное облегчение, у меня возникла новая проблема. Свет в туалете был невероятно — до абсурда — ярким. Теперь дом казался погруженным в кромешный мрак, и я потерялся. Я мог разобрать лишь тонкую полоску света под одной из дверей. Вероятно, это была комната Роджера, но опять же — я мог ошибаться. Столкнись я случайно с Полой или Хеддой, они, разумеется, предположили бы самое худшее. Тогда я действительно влип бы в неприятности. Мое сердце бешено колотилось; я ощупью, медленно, пошел по коридору, скользя ногами по ковру — на случай если бы там была ступенька. В конечном счете я дошел до угла, остановился и посмотрел по сторонам. Я по-прежнему не видел абсолютно ничего. «Нужно подождать, пока глаза привыкнут к темноте, — решил я. — Постою здесь минутку».

Это было весьма мудрое решение в моей ситуации, но через несколько секунд я сделал неожиданное открытие. Я явственно осознал, что в коридоре есть кто-то еще. Я слышал тихие вздохи, или, скорее, всхлипывания. Что происходит? Я вошел в чью-то спальню? Я задержал дыхание, но вздохи не прекращались.

Внезапно дверь в дальнем конце коридора распахнулась и оттуда вырвался поток ослепительно яркого света, осветив всю сцену. В нескольких футах от меня, на ковре, прислонив голову к стене, сидела Мэрилин. Сделай я еще пару шагов, я бы споткнулся о нее и упал. Она сидела на ковре, завернувшись в розовое покрывало и повернув голову в мою сторону. Она смотрела прямо мне в глаза, но, казалось, не видела меня. Может, из-за того, что я стоял в темноте? Или она просто ходила во сне? Или была в состоянии наркотического опьянения? В студии часто судачили о том количестве снотворного, которое она принимала.

Она выглядела невыразимо хрупкой, и сердце на миг замерло у меня в груди. Эта потрясающе красивая и уязвимая женщина была в буквальном смысле у моих ног. Но что я мог сделать? Я задержал дыхание и замер, стараясь не шевелить ни единым мускулом.

— Мэрилин. — Голос Артура Миллера, казалось, донесся из другого мира. Услышав его, я отскочил назад так, будто в меня выстрелили. По крайней мере теперь я был за углом, вне поля зрения.

— Мэрилин. Вернись в постель, — Миллер говорил настойчиво, но безучастно, со странным безразличием, как будто все было в рамках нормы.

Повисло молчание. Мэрилин не отвечала, только дышала, как прежде. Долгий и медленный вдох, а затем прерывистый выдох.

Голос Артура прозвучал ближе.

— Давай. Вставай. Пора спать.

Послышалось шуршание — это покрывало Мэрилин упало на пол. Я не слышал их шагов, вероятно, из-за толстого ковра, но вскоре дверь закрылась и снова стало темно.

Только тогда я понял, что дрожу. Я был в настоящем шоке. Моя рубашка насквозь промокла от пота, будто я стоял под душем.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я нашел лестницу, и к тому моменту, как я наконец добрался до кухни, силы окончательно покинули меня. Я едва не упал в

обморок от избытка эмоций. За всю свою жизнь я не испытывал ничего подобного. Я не мог выбросить из головы этот взгляд — взгляд Мэрилин Монро, которая смотрела прямо на меня с безмолвной мольбой! Я мечтал спасти ее — но как и от чего, не представлял. Пошатываясь, я добрел до гостиной и нашел там бутылку бренди. Она была полной и я сделал большой глоток. Вероятно, больше чем следовало, потому как у меня начался неуправляемый приступ кашля. Я рисковал разбудить весь дом. Я знал единственный способ остановить этот кашель — и сделал еще один глоток. После чего, уже в третий раз за эту ночь, загорелся непрошеный свет.

— Тебе лучше прямо сейчас поехать домой, парень, — проговорил Роджер, нахмурившись, и его рука в халате потянулась к телефону. — Завтра ты будешь не в форме. Ну ничего, — добавил он. — Я не думаю, что Мэрилин приедет в студию. Мне показалось, что она еще не спит. Будем надеяться, что мистер Миллер не спросит меня, кто это кашлял посреди ночи. — И Роджер сказал в телефонную трубку: — Алло, такси? Не могли бы вы прислать машину в Парксайд-Хаус, Инглфилд-Грин? Через пять минут? Отлично. Мы будем ждать снаружи. Ни в коем случае не звоните в дверь. — Он положил трубку и повернулся ко мне. — Пойдем, парень. Тебе только двадцать три. С тобой все будет в порядке. Не успеешь глазом моргнуть, как окажешься в своей постели. Только не засыпай в машине...

И так далее, и тому подобное, а потом он запихнул меня на заднее сиденье машины, достал деньги из моего кошелька, отдал их водителю и сказал ему, куда ехать.

Когда я наконец оказался в постели, я был без сил, но не мог заснуть. Образ Мэрилин не выходил у меня из головы. Она, казалось, обращалась прямо ко мне, как будто ее душа взывала к моей.

Примечания

1. Режиссер «Автобусной остановки», предыдущего фильма Мэрилин. (Здесь и далее примеч. авт.)

Среда, 12 сентября

Я думал, что на следующее утро у меня будет кошмарное похмелье, но когда прозвенел будильник, я все еще пребывал в эйфории. Прошло несколько минут, прежде чем реальность взяла

свое. Было шесть часов утра, а ровно в 6:45 я должен был оказаться в «Пайнвуд студиос», в десяти милях отсюда.

Если бы моя машина стояла у дома, проблем бы не возникло. В столь ранний час я добрался бы до киностудии за каких-нибудь пятнадцать минут. Но машина осталась у киностудии, а по Оливье, в отличие от Мэрилин, которая никогда не приезжала вовремя, можно было сверять часы: он каждое утро появлялся ровно в семь. Тони и Энн Бушелл, с которыми я жил в Раннимед-Хаусе, арендованном на период съемок, должны были проснуться только через час. Они были добрыми и щедрыми людьми, но им вряд ли понравилось, если бы их разбудили в полседьмого и попросили подбросить до студии. Тони — первый помощник режиссера и приезжает на площадку не раньше девяти. Только актерам необходимо быть в студии в такую рань, чтобы их успели загримировать и одеть до начала съемок.

Я быстро оделся и вышел подышать свежим утренним воздухом, раздумывая, как мне поступить. События прошлого вечера теперь казались мне далеким хмельным сном. Разумеется, я не мог объяснить свое опоздание на работу тем, что случилось вчера.

Но тут, к своему восторгу, я заметил, что на подъездной аллее перед домом стоят две машины — «ягуар» Тони и старая «эм-джи». Она, должно быть, принадлежала сыну Энн, Неду. Он иногда приезжал в Раннимед и оставался на ночь.

Отчаянные времена, как известно, требуют отчаянных мер. Я вернулся в дом и направился прямо в гостевую комнату. И точно, Нед был там. Он спал крепким сном.

— Нед, — тихо позвал я, склонившись над его ухом. — Я одолжу твою тачку на несколько часов? Хорошо?

Нед продолжать храпеть. Мы с ним одного возраста; ночка у него, должно быть, выдалась утомительная.

Я поднял его штаны с пола и вытащил из кармана ключи от автомобиля. У меня не было времени на объяснения. Я нашел на столе клочок бумаги и написал: «Извини, взял твою машину — скоро верну. Колин». И выбежал из дома.

— Такой машины нет в списках, сэр, — объявил охранник,

когда я подъехал к главным воротам студии. — Мы не можем пропустить вас. Мы должны быть очень осторожны, пока здесь мисс Монро. Эти репортеры невероятно изобретательны...

— Я не репортер, тупица! Я помощник режиссера!

— Извините, сэр. Я делаю свою работу.

Чертыхаясь, я припарковал машину Неда у бордюра и помчался во весь дух по длинной подъездной аллее к студии. «Эм-джи» оказалась не так быстра, как моя «лянча», и я опаздывал.

— Что случилось, парень? — спросил Оливье, когда я ворвался, запыхавшийся, в его гримерную.

— У меня сломалась машина. Мне придется разобраться с этим во время обеденного перерыва...

Я не осмелился упоминать о том, что произошло на самом деле.

— Не думаю, что Мэрилин приедет рано, — добавил я. — Роджер сказал, что у нее была ужасная ночь.

— А у нас будет ужасный день, если она не появится. Вчера мы снимали второстепенные сцены, потому что она была крайне несобранной. Когда она наконец возьмет себя в руки и начнет работать?

— У нее медовый месяц. Может, в этом все дело?

— О, что за глупости, она же не школьница! И Артур сыт этим по горло. Он тут сказал мне, что чудовищно устал... — Оливье скривился в недовольной гримасе. — Проблема в том, что ей не угодишь! Она невероятно капризна, кроме того, вечно не спит ночами. Я сочувствую Артуру. Ей-богу, я не стал бы спать с Мэрилин даже за миллион долларов!

«Или она с тобой», — подумал я, но вслух не сказал ничего.

Незадолго до обеда, к всеобщему удивлению и моему огромному облегчению, Мэрилин наконец приехала в студию. Из воздуха, как обычно, материализовалась целая орава

«помощников», которые окружили бедную женщину и стали докучать ей. Я же выискивал Эванса, водителя. Мне некогда было задумываться, видела меня прошлым вечером Мэрилин или нет, — нужно было срочно вернуть машину Неду. Тем не менее я изо всех сил старался избежать прямого взгляда Мэрилин. По утрам она всегда приезжает в черных очках, так что и не скажешь наверняка, куда она смотрит и что видит. «Ну да ладно, — подумал я. — К тому времени как Мэрилин примется за работу, она успеет забыть обо всем, кроме собственных реплик».

— Где ты был? — спросил Дэвид Ортон подозрительно, когда я проскользнул на площадку часом спустя. — Эванс съездил со мной в Раннимед-Хаус и привез меня обратно.

— Дома. Расстройство желудка, — лаконично пояснил я (это было ложью лишь наполовину — ведь я действительно был дома).

Дэвид бросил на меня суровый взгляд, но промолчал.

Съемки в тот день шли по уже ставшей привычной модели. Мы все ждем появления Мэрилин на площадке, под лампами рабочего освещения. Каждые четверть часа Оливье просит Дэвида сходить в гримерную Мэрилин и узнать, когда она будет готова. Дэвид — профессионал старой закалки. Он твердо верит в субординацию.

— Колин! — кричит он.

— Да, Дэвид?

— Сходи в гримерную мисс Монро и спроси, когда она будет готова.

Это, разумеется, ее передвижная гримерная. Она находится прямо здесь, в павильоне киностудии. Снаружи эта штука выглядит как жилой автоприцеп на участке строительных работ. Внутри — приглушенный свет и бежевые тона, как в Парксайд-Хаусе.

Я стучу в тонкую металлическую дверь. На стук отзываются гример или костюмерша. «Еще нет», — шепчут они. Мы все будто бы ждем, пока кто-то родит.

В конце концов без всякого предупреждения двери

распахиваются и появляется Мэрилин. Она выглядит сногсшибательно в изумительном белом наряде, который сшил для нее Бамбл Доусон специально для роли Элси Марины. Мэрилин высоко держит голову, на ее губах играет легкая улыбка, огромные глаза широко раскрыты, взгляд устремлен на площадку. Мэрилин готова. Мэрилин собирается сделать это прямо сейчас или умереть.

Дэвид дает сигнал к началу работы (у него очень громкий командный голос, что в его случае необходимо, так как на площадке присутствуют пятьдесят с лишним человек, сгорающих от нетерпения).

Один за другим загораются прожектора, издавая жуткий металлический лязг.

И тут на лице Мэрилин появляется испуг. Пола, которая всегда держится ровно в дюйме от ее локтя, исступленно начинает шептать ей что-то на ухо. Мэрилин колеблется долю секунды... и совершенно теряется.

Вместо того чтобы занять свое место перед камерой, она резко сворачивает в сторону и идет к креслу для отдыха, которое стоит поблизости. Пола, гример, парикмахер и костюмерша следуют за ней. Теперь Мэрилин нужно начать все сначала: собраться с духом, настроиться; только на этот раз уже включены все осветительные приборы и команда готова к работе. Когда Мэрилин полностью теряет самообладание, по ее шее и щекам разливается ярко-красный румянец и она вынуждена вернуться в гримерную и лечь. А это значит, что платье и парик придется снять, и пройдет еще как минимум два часа, прежде чем мы сможем возобновить работу. Это и впрямь чудо, что нам вообще что-то удается сделать.

В тот день Мэрилин была еще беспомощнее, чем обычно. К четырем часам она покинула площадку во второй раз, и Оливье решил, что на сегодня хватит. Когда я вошел в его гримерную, чтобы разложить сценарий, а также проверить наличие виски и сигарет, он горячо дискутировал с Милтоном Грином на тему того, что могло быть причиной растерянности Мэрилин.

— А ты ничего не знаешь, Колин? — спросил меня Оливье. — Ты ведь, помнится, нанял ей телохранителя. Ты не мог бы узнать у него, что происходит?

— Я слышал, она поссорилась с Артуром прошлой ночью.

— Это мы и так знаем, — вздохнул Милтон. — Она позвонила мне в час ночи и сказала, что ей нужны таблетки. Я обещал Артуру, что не буду вмешивать его в наши проблемы, но теперь вынужден нарушить свое обещание. Позвоню ему, может, он объяснит мне, что происходит.

— Подожди снаружи, Колин, — попросил Оливье. — Но не уходи никуда.

Через пять минут они позвали меня обратно. На обоих лица не было.

— Артур Миллер завтра уезжает в Париж, — глухо произнес Оливье. — Судя по всему, у него там встреча с литературным агентом. Милтон говорит, это самое худшее, что могло случиться с Мэрилин. Она ужасно боится, что ее бросят, пусть даже на день. Оба ее бывших мужа так поступали, и теперь это пугает ее. Она доводит меня до белого каления, но, полагаю, и Артуру приходится несладко, поэтому я не виню его.

— Мэрилин все еще в студии, — заметил я. — Вероятно, так расстроена, что не может поехать домой.

— О господи! — воскликнул Милтон. — В такое время и еще в студии? Я, пожалуй, пойду посмотрю, может, ей что-нибудь нужно.

Он выбежал из комнаты, но вернулся через каких-нибудь полминуты.

— Пола не пустила меня! — бросил он раздраженно. — Сказала, что Мэрилин никого не хочет видеть, и захлопнула дверь прямо перед моим носом!

— Колин, — сказал Оливье, и его голос прозвучал глухо и мрачно, как в склепе, — сходи к миссис Страсберг и очень вежливо спроси ее, собирается ли мисс Монро приехать в студию завтра и немного поработать. Только не говори, что это я тебя послал. Скажи, что ты от Дэвида.

Дельце было рискованное. Обычно в это время Мэрилин и

Пола уже на пути в Парксайд. А дома они, разумеется, никогда не отвечают на телефонные звонки. Теперь, впервые за все время, они были на нашей территории, а следовательно, в нашей власти.

Я быстрым шагом преодолел расстояние в тридцать футов или около того, разделявшее гримерные двух звезд, и постучался в дверь.

Ответа не последовало. Я постучал снова. Тогда дверь приоткрылась, и Пола выглянула в щелку. Она недоуменно смотрела на меня секунд пять. Несмотря на то что я видел всего лишь один ее глаз, я понял, что она сильно взволнована.

— Проходи, — проворчала она, отступив в сторону. Я проскользнул в приоткрытую дверь, и Пола заперла ее за мной.

Она была одна в уютной маленькой комнатке, которая служила предбанником для святая святых, где Мэрилин обычно одевалась.

— Можешь войти, — Пола, закатив глаза, указала мне на дверь в святилище. — Войди.

— Войти? — переспросил я, не понимая, на что она намекает. — Войти куда?

Я чувствовал себя, как Алиса в Зазеркалье. Меня никогда не пускали в эту комнату, по крайней мере, пока в ней находилась Мэрилин. То была святая земля.

— Войди, — Пола снова указала мне на дверь. — Ну, иди же!

Я послушался. Комната была погружена в кромешную темноту. Сделав два шага, я остановился.

— Колин, — Мэрилин говорила шепотом, но я отчетливо слышал каждое ее слово.

— Да?

— Закрой дверь.

Я закрыл за собой дверь, боясь дышать.

Повисла долгая пауза. Я ничего не видел. У меня было ощущение свободного падения. Все, что я слышал, — это тихие вздохи, похожие на всхлипывания. Как прошлой ночью.

— Колин?

— Да? — Я тоже непроизвольно перешел на шепот.

— Зачем ты приезжал вчера? Это они послали тебя шпионить за мной?

— О нет, Мэрилин. — О чем я думал? Это была самая знаменитая кинозвезда в мире! — О, нет, мисс Монро. Я приезжал поговорить с прислугой. Понимаете, я нанял их, ну, когда арендовал этот дом. Они постоянно на что-то жалуются, и я подумал, что, если я приеду и выслушаю их, они успокоятся. А потом я остался ненадолго и мы съели по сэндвичу с Роджером. Я уже собирался поехать домой, но когда вышел из его комнаты, заблудился. Простите меня, — проговорил я сбивчиво.

Опять повисла пауза. Мои глаза уже начинали привыкать к отсутствию света, и я мог различить силуэт Мэрилин — в белом халате, она лежала на диване у стены. Без белокурого парика Элси Марины она казалась очень хрупкой.

— Колин?

— Да, мисс Монро?

— Что входит в твои обязанности?

— Я третий помощник режиссера. То, что они называют «мальчиком на побегушках». Я должен «сходить туда и принести то», когда меня попросят. Все кому не лень гоняют меня. В общем-то, у меня едва ли есть ограниченный круг обязанностей.

— Но ты же помогаешь сэру Лоуренсу? Я всегда вижу тебя рядом с ним. Он, кажется, говорит с тобой больше, чем с остальными. Его ты тоже успокаиваешь, как и прислугу? — произнесла Мэрилин с усмешкой.

— О господи, нет! Дело в том, что он друг моих родителей, поэтому я знаю его очень давно — с самого детства. Думаю, я единственный, кто его не боится, только и всего.

Вновь воцарилась тишина. Я пытался восстановить дыхание. В какой-то момент я подумал, что Мэрилин уснула. В комнате было невероятно тихо — это разительно контрастировало с тем хаосом и шумом, которые обычно окружали кинозвезду. Интересно, как часто ей удавалось обрести такой покой.

— Колин?

— Да?

— Ты шпионишь? Шпионишь по просьбе сэра Лоуренса? Скажи мне правду.

—Я не шпионю, Мэрилин, — сказал я, собрав все свое мужество. — Но моя задача — держать сэра Лоуренса в курсе происходящего и извещать его обо всем, что поможет ему поскорее завершить съемки. Я уверен, что и вы этого хотите. Чем скорее все кончится, тем скорее вы вернетесь домой, в Америку. Наверняка и вы, и мистер Миллер ждете этого с нетерпением. Сейчас же сэр Лоуренс послал меня спросить вас, приедете ли вы в студию завтра. Вот почему я здесь, — подытожил я, чтобы она не подумала, что я вломился в ее гримерную без приглашения.

— Мистер Миллер завтра улетает в Париж на встречу со своим агентом, — холодно сказала Мэрилин. — А после он, вероятно, вернется в Нью-Йорк на несколько дней. Я думаю, завтра я останусь дома и провожу его.

— О, разумеется, мисс Монро. Я вполне вас понимаю. И сэр Лоуренс поймет, я уверен. Конечно, конечно, конечно.

Какое облегчение, когда тебе — в кои-то веки — прямо говорят о своих намерениях. К тому же в отсутствие Миллера она сможет лучше концентрироваться на съемках. И на мне! Я знал, что буду полным дураком, если подобная мысль придет мне в голову, но в тот момент ее внимание было сосредоточено на мне, и я совершенно забылся.

— Сколько тебе лет, Колин?

— Двадцать пять, — я приукрасил истину совсем немного, но сразу же почувствовал себя неуютно. — Почти.

Повисла очередная долгая пауза. Мне казалось, что я провел в этой комнате несколько часов. Интересно, когда я выйду отсюда, застану ли я еще Оливье и Милтона Грина? Надеюсь, они не подумали, будто я забыл о них и уехал домой. Они определенно теряют терпение. Все, что было связано с Мэрилин, занимало невероятно много времени, несмотря на то что сама она всегда спешила.

— Колин, — Мэрилин говорила так тихо, что я невольно подошел на шаг ближе, чтобы расслышать ее. — Колин, на чьей ты стороне?

— На вашей, мисс Монро. Даю вам слово, что я всегда буду на вашей стороне.

Мэрилин вздохнула.

— Ты приедешь сюда завтра?

— Ну да. Я каждый день сюда приезжаю...

Я не понял вопроса, но меня спас стук в дверь.

— Мэрилин, — послышался вкрадчивый голос Полы, — нам и правда уже пора домой.

Не дожидаясь ответа, она широко распахнула дверь и увидела меня, стоявшего на одной ноге посередине комнаты.

— Колину нужно закончить свою работу, — объявила она. — Не правда ли, Колин? Спасибо, что зашел.

Она тряслась как курица над своим яйцом. Едва ли Пола считала меня лисой, но, как ни крути, на цыпленка я был не похож. Мэрилин снова вздохнула. Интервью было окончено.

Оказавшись в холодном коридоре студии, я сделал судорожный вдох. Моим первым порывом было помчаться в гримерную Оливье и обо всем ему рассказать. Я был невероятно горд собой. Я задал Мэрилин прямой вопрос и получил однозначный ответ. Даже больше того: я чувствовал, что наладил с ней контакт, который впоследствии мог оказаться полезен.

Но стоп! Чью сторону я должен занять? Оливье — мой босс и

старый друг. Дядя Ларри. «Мой мальчик» — так он часто называл меня. А Вивьен всегда была моим идолом и, вне всяких сомнений, самой прекрасной женщиной из всех, кого я знал.

Но Мэрилин другая. Милее Вивьен, моложе и уязвимее.

И она, казалось, взывала ко мне. «Колин, на чьей ты стороне?»

«На вашей», — ответил я. И теперь я не мог отречься от своих слов. Пути назад не было. Я прошагал по коридору и постучался в дверь гримерной Лоуренса Оливье.

— Войдите!

— Мисс Монро сказала, что не приедет в студию завтра. Мистер Миллер уезжает в Париж, и она хочет проводить его.

— Она тебе это лично сказала? — недоверчиво спросил Милтон.

— Да.

— Это все?

— Да.

Оливье и Милтон смотрели на меня с нескрываемым любопытством. Впервые эти люди на самом деле прислушивались к тому, что я говорил. «За это я должен благодарить Мэрилин», — подумал я, а затем повернулся и вышел. Я знал, на чьей я теперь стороне.

Четверг, 13 сентября

Главный предмет гордости любой съемочной команды — ее цинизм. Чем известнее актеры, с которыми ей довелось работать, тем более нарочито равнодушный вид делает команда при появлении знаменитости. Команда, привлеченная к съемкам фильма «Принц и хористка», профессиональнее прочих. Всех этих людей подбирал лично Оливье вместе с руководителем производства Тедди Джозефом. Их профессионализм выражается в том, что они не глазеют с вожделением на мисс Монро и не пытаются поймать ее взгляд. В то же время у команды есть

твердое мнение об актерах и актрисах, с которыми она работает, а также неофициальная иерархия, которой команда свято придерживается.

Второстепенные актеры — и даже известные лица, занятые в ролях второго плана, — игнорируются полностью.

К британским звездам, таким как Энтони Стил или Морин Свонсон, которые в то же самое время снимаются в других фильмах в Пайнвуде, относятся как к себе равным—так, будто они тоже техники, просто делают несколько иную работу.

С великими английскими актерами театра — таковой является Сибил Торндайк, которая играет вдовствующую королеву, мать персонажа Оливье, регента Карпатии, — обращаются с подчеркнутой вежливостью, словно они почетные гости на площадке, а не участники съемочного процесса. Супруги Оливье, Лоуренс и Вивьен, — отдельный случай: к ним относятся как к особам королевских кровей и говорят о них вполголоса. Об Оливье всегда упоминают с приставкой «сэр», хотя и не в личном обращении. Леди Оливье зовут просто «Вивьен» — но с каким уважением и благоговением!

Знаменитые голливудские звезды сталкиваются с полнейшим безразличием и небрежностью, но каждый из них получает свою оценку в бесконечных сплетнях и пересудах, которые не прекращаются до тех пор, пока команда ожидает появления этих самых звезд на площадке.

С Мэрилин все совершенно иначе. Она сейчас так знаменита и так притягательна, что члены команды избегают ее взгляда с таким упорством и предубежденностью, будто она может сглазить. Я не уверен, что ей это по душе. Мэрилин не слишком уверена в себе, и, думаю, ей было бы приятнее видеть, как мужчины аплодируют ей и улыбаются, когда она входит в помещение, нежели вовсе отворачиваются от нее.

Но чтобы ни делали члены команды и какое бы безразличие ни изображали, одним глазком они все время поглядывают на Мэрилин. Они просто не могут устоять, тем более что их воображение разжигают бесконечные истории о Мэрилин, слухи о Мэрилин и шутки о Мэрилин, которые передаются из уст в уста. А когда она не приезжает в студию, съемочную группу одолевает апатия. Все становятся вялыми и инертными и сидят с кислыми

лицами, как дети, которых не пригласили на праздник.

В то утро за неимением другого объекта для насмешек ребята решили подразнить меня.

— Я слышал, что Колин — новый бойфренд Мэрилин!

— Говорят, он может запросто войти к ней в гримерку в любое время.

— Интересно, как к этому относится Ларри.

— Он ревнует.

— К нему или к ней?

Взрыв хохота.

— Послушайте, — сказал я примирительно, — сэр Лоуренс просто попросил меня узнать у мисс Монро, собирается ли она появиться в студии сегодня. Я постучал в дверь ее гримерной и спросил ее об этом, и она сказала «нет». Только и всего.

— О? А Норман [один из парикмахеров] говорит, что ты пробыл там целых десять минут. За это время можно успеть пообниматься!

— О да! С Полой что ли? Она ведь тоже там была. И Норманн это подтвердит.

Джек Кардифф, ведущий оператор, который работал над такими фильмами, как «Красные башмачки» и «Африканская королева», подошел узнать, о чем мы спорим. Джек — единственный человек на площадке, который относится к Мэрилин по-дружески, и, как следствие, единственный англичанин, к которому она может обратиться и кому доверяет. Взамен он использует все свое искусство, чтобы подчеркнуть ее красоту. Он обожает Мэрилин, и, так как он — человек творческий, она не видит в его отношении к ней никакого скрытого мотива. Вся команда понимает это и ценит. Джек, считают они, спасет фильм, сумев передать все великолепие Мэрилин на экране.

— А разве Мэрилин запрещено общаться с людьми? —

возмутился Джек. — Хотел бы я, чтобы и остальные были с ней немного приветливее. Давайте за работу.

По правде сказать, команда смотрит на меня с неприкрытым подозрением. Это мой первый фильм, и у меня еще «молоко на губах не обсохло». По всей видимости, сам Оливье дал мне эту работу — ведь он обращается со мной так, словно я его любимый племянник (хотя и часто кричит на меня, если я допускаю ошибку). Вивьен, с которой я знаком с самого детства, всегда подходит ко мне, когда приезжает в студию. «Колин, дорогой, ты там присматриваешь за Ларри, как я просила?» — мурлыкает она, очень хорошо понимая, что смущает меня ровно столько же, сколько льстит мне. Сибил Торндайк тоже знает моих родителей. Она обращается со мной так, как будто я ее внук, и купила мне теплый шерстяной шарф, чтобы я не замерз, когда мне вздумается смотреть на звезды на закате. (С другой стороны, Сибил ко всей команде относится как к своим внукам и каждому купила бы по шерстяному шарфу, если бы могла.)

Мэрилин не знакома с моими родителями (слава богу!), и у нее нет никаких причин говорить со мной. Было несколько приятных — для меня — моментов, когда я подсказывал ей что-то из-за сцены, однако же она всегда смотрела прямо сквозь меня, как будто я был куском стекла. Так и надо. У бедной женщины достаточно забот и без меня с моими несбыточными желаниями. Я продолжаю говорить себе, что она самая знаменитая кинозвезда, которой вздумалось потягаться с самым известным актером в мире — а у него, мягко говоря, непростой характер.

Итак, Мэрилин не было на площадке, и время тянулось долго и мучительно. Весь день мы готовились к съемке натурных кадров. Только в 5:30 вечера я попал в гримерную Оливье, чтобы согласовать с ним планы на день грядущий. Милтон был у него; судя по количеству виски в бутылке и переполненности пепельницы, разговор между ними шел долгий и оживленный — один из тех, которые, казалось, абсолютно ни к чему не вели.

— Мы решили дать Мэрилин еще один выходной день, завтра, — твердо заявил Оливье. — Милтон говорит, что она расстроена отъездом Артура, так что пусть отдохнет и соберется с силами. Однако вот что интересно, — продолжал он мрачно, — она вообще когда-нибудь задает себе вопрос, почему стольким людям нужно отдохнуть от ее присутствия?

— Ты несправедлив, Ларри. Вероятно, это ей нужно от нас отдохнуть, — сказал Милтон.

Он никогда ни о ком не злословит, за исключением Полы, а о Мэрилин, разумеется, даже думать не смеет ничего плохого.

— Несомненно, дорогой, — усмехнулся Оливье. — Ну, будем считать, что она отдохнет и немного подучит слова.

Я с тревогой спрашивал себя, что Мэрилин все выходные будет делать одна в этом огромном доме. С ней будет только Пола.

Тут зазвонил телефон. Милтон машинально снял трубку. Он практически живет на телефоне, и, когда бы ни раздавался звонок, Милтон уверен, что звонят именно ему. И зачастую он оказывается прав.

— Милтон Грин. О, Роджер! Все в порядке? Чего тебе нужно?

Вдруг его лицо едва заметно сморщилось.

— Да. Он здесь.

Милтон посмотрел на меня.

— Это тебя.

— Меня?

Оливье готов был взорваться.

— Кто такой Роджер? Какого черта происходит?

Я взял трубку.

— Что случилось, Роджер?

— Колин, — голос Роджера звучал очень официально, — мисс Монро желает, чтобы ты заехал в Парксайд-Хаус сегодня вечером.

— Я? Почему я? С Мэрилин все в порядке?

В трубке послышался смех, а затем веселый голос произнес:

— Да, со мной все хорошо!

Если бы у Милтона была вставная челюсть, он бы ее проглотил. Как тренированный пес, он уловил безошибочные интонации голоса своей хозяйки, и на его лице застыла гримаса ужаса.

— Кто там, черт подери? — взревел Оливье, естественно, в ярости оттого, что его не посвящают в происходящее.

— Это Мэрилин, — прошептал Милтон.

— МЭРИЛИН?

— Монро.

— Да, я знаю, кто такая Мэрилин, господи боже!

Я услышал, как Мэрилин рассмеялась на другом конце провода.

— Но какого черта моя актриса звонит моему третьему помощнику режиссера в моей гримерной?

— Вот умница, — сказала Мэрилин. — Увидимся позже, Колин. Хорошо?

— Хорошо, мисс Монро. Как скажете.

Слава богу, она повесила трубку, и меня не уволили.

— Мисс Монро звонила сказать, что не приедет в студию завтра.

— Мы это и без нее знаем! — брызгая слюной, выкрикнул Оливье. — Но почему она говорит об этом тебе, а не мне?

— Ну, вы же посылали меня вчера в ее гримерную. Вот она и думает теперь, что я ваш посредник в таких вопросах.

— Хм-м-м... Ну, что еще она сказала?

— Ничего.

— Колин, я слышал, как она сказала что-то еще.

— Она услышала ваш голос — вы спрашивали, кто звонит.

Оливье уже забыл, как он только что кричал благим матом.

— Что она сказала? — настал черед Милтона спрашивать, и он говорил почти с мольбой в голосе. Одному Богу известно, почему он так боится Мэрилин. Лично мне она показалась очень славной.

— Она попросила меня передать ее слова сэру Лоуренсу. И все.

— О боже мой, Колин, ты должен быть очень осторожен с Мэрилин, — сказал Милтон. — Ее легко расстроить! С ней нельзя фамильярничать. — Он повернулся к Оливье. — Я не знаю, стоит ли Колину разговаривать с ней, Ларри. Он так молод, что легко может сесть в лужу. В любом случае она не в восторге от англичан.

Оливье поднял брови.

— Колин — стопроцентный англичанин, и он не понимает, как важно, чтобы Мэрилин думала, что мы все ее любим.

Милтон в своем беспокойстве напоминал какого-нибудь полоумного придворного Елизаветы I в то время, когда испанская армада была уже близко. «Отрубить ему голову», — сказал бы я на месте королевы.

Но Оливье понял, что к чему.

— Ты молодец, Колин, — сказал он. — Продолжай в том же духе и держи меня в курсе. Кстати, не мог бы ты принести нам еще немного виски? Вот умница.

Я поспешил выполнить его просьбу.

Было уже семь часов вечера, когда я наконец приехал в Парксайд-Хаус. По дороге я подвергся жесточайшему соблазну зайти в паб, но в итоге решил, что запах виски и идиотская

ухмылка на лице только осложнят мое положение. Хорошему посреднику нужна ясная голова. Я припарковался на углу подъездной аллеи и вошел в дом через черный ход. Роджер с пресерьезным видом сидел на кухне.

— Мисс Монро просит тебя подождать в гостиной, — торжественно и мрачно произнес он и проводил меня. — Присядь пока.

Я посидел какое-то время, затем поднялся и прошелся по комнате, внимательно разглядывая каждую деталь. Французские окна выходили в сад, в котором все цвело. Цветы были также на обоях и занавесках.

Интересно, бывает ли здесь Мэрилин? Роджер говорил, что они с Артуром проводят большую часть времени наверху, а именно в спальне. Я видел ее, когда осматривал дом перед тем, как снять его. К спальне примыкала маленькая гостиная, где супруги могли поесть, когда хотели побыть вдвоем. «Вероятно, так было всегда», — подумал я. В конечном счете у них медовый месяц. Это все-таки что-то да значит, несмотря на то что их уже не назовешь юными. Но я не мог представить, о чем они говорили. Они казались мне настолько разными. «Противоположности притягиваются», — подумал я. А теперь Артур уехал в Париж без нее. Не слишком хороший знак.

В комнате было две двери: одна вела в коридор, другая — в сад. Первая внезапно открылась, и в проеме показалась голова Полы Страсберг.

— О, здравствуй, Колин, — произнесла она безучастным тоном и тут же ушла, даже не спросив, что я тут делаю.

Это показалось мне довольно странным. Чуть позже из сада вошла Хедда Ростен. Ее считают подружкой Мэрилин, но я никогда не видел их вместе. Она американка средних лет с приятным лицом, но в отличие от Мэрилин довольно много пьет и курит. Хедда пристально посмотрела на меня и открыла рот, будто хотела что-то сказать, но, очевидно, решила промолчать. Я улыбнулся ей, и она ушла.

К этому моменту я начал чувствовать себя как рыбка на крючке. Что я вообще делаю в доме Мэрилин Монро и Артура Миллера в восемь часов вечера в четверг? Мэрилин сказала, что

не приедет в студию завтра. У нее был следующий день и выходные, чтобы все обдумать и донести свои мысли до Оливье. Она что, разуверилась в Милтоне Грине и не хочет больше поручать ему переговоры с режиссером? Меня что, испытывают? Зачем эти дамы приходили сюда? Они собирались что-то передать Мэрилин, гадал я, или просто любопытничали?

Я ждал уже почти час. За окнами начинало темнеть, и я испытывал некоторое раздражение. «Что ж, выпью виски», — подумал я обиженно и направился к подносу с бутылками и льдом.

— Угощайся, Колин.

Мэрилин вошла в комнату так бесшумно, что я даже не заметил ее.

— О нет, простите, мисс Монро. Я только хотел посмотреть, все ли у вас тут есть.

— Думаю, да. Я была в этой комнате всего лишь однажды, в тот день, когда мы прилетели из Нью-Йорка. Здесь очень мило, не правда ли? Смелее, налей себе выпить, если хочешь. Ты много пьешь, Колин? Ты кажешься еще слишком юным.

— Я уже достаточно взрослый, мисс Монро, — запротестовал я.

Она стояла у окна в сумеречном свете. На ней были легкие шелковые брюки и коричневая шелковая блузка, которая подчеркивала ее знаменитый бюст. Должен признать, Мэрилин выглядела потрясающе, но на мгновение меня посетила недостойная мысль, что, вероятно, она пришла попозже намеренно — дождалась, пока свет станет менее ярким.

— Ты меня боишься, Колин?

«Я просто в шоке», — подумал я.

— Нет, совсем нет, — сказал я вслух.

— Это хорошо, потому что ты мне нравишься. Тебе, кажется, совершенно ничего от меня не нужно. («Ум-м», — подумал я.) Я хочу, чтобы ты помог мне. Ты поможешь мне?

— Разумеется, я сделаю все, что смогу, но у меня нет никакого влияния. Только потому, что я помощник сэра Лоуренса, я могу говорить с операторами и прочими членами команды. Я просто посредник, понимаете, не более того.

— Но ты же видишь, что происходит, разве нет, Колин? Ты видишь обе стороны.

Мэрилин подошла к дивану и села, а затем вытянула ноги, положив их на подушки.

— Сядь и расскажи мне обо всем, что происходит.

Она указала мне на кресло у ее ног, и я неловко присел на краешек.

— Перестань, Колин, — рассмеялась Мэрилин. — Ты, кажется, говорил, что не боишься меня. Расслабься и поговорим начистоту. Знаешь что — давай поужинаем! Я ужасно голодна. А ты? Я попрошу принести нам еды. — Тут она встревожилась: — Или ты собрался ужинать с кем-то еще? О боже, извини, я совершенно об этом не подумала! Я нарушила твои планы? — Мэрилин широко распахнула глаза и приоткрыла губы, так что я чуть не упал в обморок. — Может быть, есть миссис Колин, которая ждет тебя дома?

— Нет, нет никакой миссис Колин. И я очень голоден, но мне нужно позвонить. Я живу с первым помощником режиссера, Тони Бушеллом, и его женой. Они ждут меня на ужин.

— Иди и позвони, — кивнула Мэрилин. — А я схожу на кухню и посмотрю, что там у них есть.

Телефон стоял на столике у окна. Я набрал номер Тони.

— Бушелл, — пролаял он в трубку. Прошло уже много лет с тех пор, как он служил в армии, но он играл офицеров в стольких фильмах о войне, что сохранил армейские замашки.

— Это я, — сказал я. — Я не смогу приехать на ужин сегодня.

— Энн будет недовольна. Стол уже накрыт. Где ты?

— Я в Парксайде.

Я опасался говорить ему слишком много. Как Дэвид, да и почти все в студии, Тони был моим начальником. Он записал Мэрилин Монро в число своих «врагов», как только стало ясно, что она, в отличие от него, не собирается раболепно исполнять все команды Оливье. Тем не менее он должен был знать, что я в Парксайде, — такое веское оправдание он не мог игнорировать.

— В Парксайде? Какого черта ты делаешь в Парксайде? Прислуга пригрозила, что уйдет? Теперь ты сам будешь готовить стряпню для мисс Монро?

— Не совсем так... — Я пребывал в замешательстве. Я не мог сказать, что Мэрилин хочет передать мне что-то для Оливье. Тони тогда настоял бы, чтобы все сообщения проходили через него. И конечно, позвонил бы Милтону Грину и тотчас обо всем доложил. Я чувствовал, что мы с Мэрилин хорошо ладим, и не хотел, чтобы Милтон явился защищать свои инвестиции, — а он явился бы со скоростью света.

— У мисс Монро тяжелые коробки... — в этот момент, к моему ужасу, Мэрилин вернулась в комнату; я скорчил страдальческую гримасу, — ...которые она хочет отправить в Америк)... — Мэрилин прыснула со смеху. — ...и я жду, чтобы забрать их.

— А разве Роджер не может с этим разобраться? — спросил Тони, в точности повторяя вопрос, который Милтон задал мне двумя днями раньше. — О, ну ладно, раз ты застрял там, значит так тому и быть. Эта Монро всех заставляет ждать. Я объясню все Энн, — и он ворча повесил трубку.

— Итак, Колин. — Мэрилин снова уселась на диван. — Ты расскажешь мне, что происходит?

О, ну ладно, так и быть, отступать некуда.

— Расскажу, — кивнул я, опустившись в кресло. — Мы пытаемся снять фильм, которому, по всей вероятности, не суждено выйти на экраны. Вот почему для всех это такая мука. Особенно для вас — мы все это видим — и для Лоуренса Оливье. Вы — великая кинозвезда, которая стремится доказать всем, что умеет играть. Оливье — великий актер, который хочет стать

кинозвездой. Но по какой-то злой иронии судьбы в этом фильме вы играете хористку, что для вас является повторением пройденного, а Оливье — скучного старика, то есть полную противоположность тому, кем он хочет быть. Кроме того, сценарий фильма основан на пьесе, которую я видел несколько лет назад в театре, с Оливье и Вивьен Ли, и даже сценическая версия мне не особенно понравилась. Это комедия нравов, а подобные пьесы никогда не получается с успехом перенести на экран. Вероятно, кто-то надеялся, что это будет похоже на один из фильмов со Спенсером Трейси и Кэтрин Хепбёрн, но сценарий просто захлебывается всеми этими старомодными диалогами, всеми этими костюмами и декорациями. Очень жаль, потому что и вы, и Оливье заслуживаете сложных, блестящих ролей, над которыми смогли бы энергично и продуктивно работать.

Мэрилин глядела на меня с удивлением.

— Мне сказали, что сценарий превосходный. Кроме того, я хотела сыграть с Оливье, чтобы меня воспринимали серьезно. Этот фильм был единственной возможностью получить его согласие работать со мной.

— Я думаю, вас ввели в заблуждение.

— О, Колин, так тебе и впрямь не все равно? Что же делать?

Этим вопросом я, как и все остальные, неоднократно задавался с тех самых пор, как начались съемки. И у меня, как и у остальных, не было на него ответа. Но, к счастью, мне не пришлось отвечать — меня спасли Мария и Хосе, которые появились в дверях с большими серебряными подносами в руках. Их, похоже, совершенно не удивило то, что я сижу рядом с Мэрилин. Это придало мне уверенности. Португальцы поставили подносы на кофейный столик и ждали дальнейших указаний.

— Я буду колу, — проговорила Мэрилин.

Хосе недоуменно посмотрел на меня.

— Duas Colas. Frescas se fash favor1.

— О-о-о, ты говоришь на их языке? — Мэрилин была впечатлена.

— Это португальский. Я был в Португалии несколько раз.

— О-о-о.

Повисла пауза.

Я посмотрел на Мэрилин — нас разделял стол — и внезапно на меня снизошло озарение. Кинозвезда страдала от одиночества. Ей нужно было с кем-нибудь поговорить — с кем-нибудь, кто ничего от нее не требует, кто не ждет, что она будет сногсшибательной, умной или сексуальной, а принимает ее такой, какой она хочет быть. Я осознал, что она всегда в невероятном напряжении и почти не может расслабиться. Со мной же, потому как я был намного моложе, она была спокойна: она чувствовала, что я не стану ее осуждать, а если бы даже и стал, ей, вероятно, было бы все равно.

Мэрилин принялась уплетать курицу под майонезом — видно было, что она ужасно голодна. Эти таблетки, которые она принимала, чтобы уснуть, вероятно, возбуждали аппетит. А так как она спала допоздна, ужин, судя по всему, был первым ее приемом пищи за день.

Вернулся Хосе с четырьмя бутылками кока-колы, двумя стаканами и мисочкой со льдом.

— Obrigado2, — сказал я.

—О-о-о, — восхищенно протянула Мэрилин. Она, казалось, веселела с каждым съеденным кусочком. — Почему же ты не сказал мистеру Бушеллу, что ты здесь, со мной? Как бы он это воспринял?

— Взбесился бы и вышвырнул меня из дома. Тони — хороший человек, но слепо предан сэру Лоуренсу. А если ты не на сто процентов предан сэру Лоуренсу — как он и большая часть команды, — ты враг для мистера Бушелла.

Мэрилин засмеялась.

— Значит, я враг, да? Что ж, не беспокойся, я тебя не выдам. В конце концов у нас же вроде не роман, — она снова захихикала. — Но что же мне делать с фильмом?

— На этом этапе ничего уже не сделаешь. Слишком поздно что-то менять — нужно завершить съемки и приложить все силы, чтобы фильм получился успешным. А затем взяться за что-нибудь получше.

— Я думала, что поработаю на славу, — обескураженно протянула Мэрилин, — но всякий раз как я вхожу в эту студию, у меня мурашки по телу. Пола — единственный человек, которому я могу доверять. Ну и ты, может быть?

Она повернулась на диване так, что ее лицо оказалось прямо под моим. Ее глаза были такими огромными, что мне казалось, я смотрю в великолепные озера. Не успел я осознать, что происходит, как в дверь постучали. На пороге появилась массивная фигура.

— Да? — отозвалась Мэрилин, не шелохнувшись.

— Вас к телефону, мадам, — невозмутимо произнес Роджер. — По-моему, это из-за границы.

Мэрилин резко поднялась.

— Господи, — выдохнула она. Ее взгляд снова стал отсутствующим, и плечи ссутулились. — Ну что ж, спокойной ночи, Колин. Спасибо, что заехал. Буду рада, если приедешь завтра вечером и мы продолжим нашу беседу.

И Мэрилин выбежала из комнаты, как напуганный заяц.

— Ты уже уходишь, если я правильно понял, — сурово сказал Роджер, стоя в дверях.

— Да. Мне пора, — ответил я как можно непринужденнее и направился к своей машине. Я не шел — я парил над землей. По крайней мере, мне так казалось.

— Спокойной ночи, Роджер.

— Хм-хм.

Примечания

1. Две колы. Охлажденные, пожалуйста.

2. Спасибо.

Пятница, 14 сентября

Тони и Энн уже спали, когда я приехал в Раннимед-Хаус, а утром я уехал до того, как они проснулись. Было полдесятого утра, когда отголоски прошлого вечера зазвучали в полную силу.

— Тони просит тебя сейчас же зайти в гримерную сэра Лоуренса, — сказал Дэвид. — И, кстати говоря, он кричит и топает ногами, так что лучше приготовься к скандалу. Что такого ты натворил вчера вечером?

— Ничего, честное слово. Понятия не имею, о чем может пойти речь. Я просто не приехал на ужин, вот и все.

— Ах вот как! Пропустил ужин, значит... — протянул Дэвид с лукавой улыбкой. — Интересно, почему?

В тот момент, когда я входил в гримерную Оливье, он говорил:

— Мне все равно, трахает он ее или нет! Может, хоть это приведет ее в чувство!

(Оливье никогда не следит за языком. Джек Кардифф как-то рассказывал, что, когда у Лоуренса вырвалось слово «fuck» в присутствии Мэрилин, звезда округлила глаза и проговорила: «Боже, англичане тоже так говорят?»)

— А, Колин! — воскликнул Оливье, увидев меня. — Тони утверждает, что эту ночь ты провел с Мэрилин. Ты что-нибудь узнал?

— Провел ночь с Мэрилин? — с негодованием повторил я. — Я ночевал у Тони в доме! В Парксайд я заехал, чтобы выполнить ее поручение, а затем ненадолго остался поговорить. А узнал я то, что она далеко не так глупа, как кажется.

— И ужин, — перебил меня Тони. — Ты остался и на ужин тоже?

— Мэрилин решила перекусить и предложила мне составить ей компанию, вот и все.

— А еще я слышал, как она хихикала, когда ты говорил со мной по телефону. Мэрилин обычно не хихикает! Что вообще все это значит?

— Хихикала? Что ж, очень даже неплохо, — сказал Оливье.

— Да, но Ларри, ситуация крайне деликатная, — не унимался Тони. — Колин молод и неопытен. Он может сказать ей что-нибудь опрометчивое и спутать нам все карты. Мы потратили год на то, чтобы привезти сюда Монро, а одно неосторожное замечание Ко-лина может вынудить ее и Артура вернуться в Америку!

— Артур и так уже на пути в Америку, — пробормотал я. — А я еще не сделал ни одного неосторожного замечания.

— К тому же, — добавил Оливье, — если Колин будет с ней мил и дипломатичен, как он это умеет, Мэрилин наоборот захочет остаться.

С этими словами Лоуренс бросил на меня хитрый взгляд.

— Мисс Монро относится ко мне по-дружески. Что в этом плохого? — недоумевал я. — Я для нее малолетка.

— Мисс Монро очень ловко манипулирует людьми, когда ей это выгодно, — возразил Тони. — В Нью-Йорке она заставила Лоуренса есть с ее рук, а теперь она ведет себя так, словно его не существует. Ты должен быть очень осторожен, Колин. Она опасная интриганка! Очень амбициозная и безжалостная. До Полы Страсберг у нее была другая наставница. Так вот, когда та ей надоела, мисс Монро просто выставила ее вон — и это после стольких лет полного согласия и заверений в вечной дружбе. Она не боится использовать людей, чтобы получить то, что ей нужно. Не верь ничему, что она говорит. Эти ее огромные глаза — на самом деле орудия войны.

Чего боялся Тони: что я расстрою Мэрилин или что она причинит боль мне?

— Я, честно говоря, не понимаю, как она может использовать меня в личных интересах, — сказал я. — Я не имею к ее карьере совершенно никакого отношения. Я заезжаю в Парк-сайд только

для того, чтобы выполнить те или иные ее поручения. Думаю, что вчера вечером ей было одиноко, так как Артур уехал, и просто хотелось поговорить с кем-нибудь, кто не будет читать ей мораль. Пола слишком лебезит перед ней, а Хедда напивается по вечерам. В любом случае меня, скорее всего, никогда больше не пригласят.

— Ну, если вдруг пригласят, будь осторожен, — в один голос сказали мужчины.

— Сегодня к ужину ждем тебя в Раннимед-Хаусе, — добавил Тони с угрозой в голосе.

Откуда-то из глубины моего сознания всплыли слова, сказанные Мэрилин, когда она убегала к телефону: «Буду рада, если приедешь завтра вечером и мы продолжим нашу беседу». Но она, вероятно, сказала это из чистой вежливости.

— Я буду к ужину, обещаю.

Съемочная площадка чем-то напоминает термобарокамеру — закрытое помещение, куда не поступает свежий воздух и где невероятно жарко. Возникает бесконечное количество необъяснимых задержек. Слухи разносятся в считанные секунды. К тому моменту как я вернулся на свой обычный пост рядом с Дэвидом, я снова стал центром всеобщего внимания.

— Артур же только-только уехал, Колин, — крикнул мне кто-то.

— О чем ты говоришь? — спросил я, заливаясь краской.

— Миссис Миллер приедет сегодня, а? Или ты ее слишком утомил?

Хор смешков.

— Что вы за клоуны? Мэрилин что, уже ни с кем не может пообщаться?

— О, для тебя она теперь «Мэрилин», да?

— Впервые слышу, чтобы это так называли — «пообщаться»!

И так далее, и тому подобное.

Ричард Уоттис, который играл мистера Нортбрука из министерства иностранных дел, подошел дать мне совет. Дикки из тех, кого называют убежденными холостяками, поэтому я догадывался, что он собирается мне сказать.

— Ты слышал о цветке, который называют венерина мухоловка, Колин? Ну вот представь, что ты муха. Ты беззаботно летаешь и жужжишь, занимаешься своими делами, и тут вдруг тебя привлекает сладкий аромат, и хлоп! — тебе конец. Поверь мне, она очень опасная женщина. Я актер, я знаю.

— Всё, хватит с меня! — в сердцах воскликнул я. — Я достаточно наслушался ерунды. Она просто славная девушка, которая потеряла почву под ногами. Только представьте себе, под каким она находится прессингом, учитывая, что вы все следите за каждым ее шагом!

— Оставьте Мэрилин в покое, — сказал Джек Кардифф, вновь приходя мне на помощь. — Она делает все, на что способна. Вы слишком быстро против нее ополчились. Она самая красивая женщина из всех, с кем я работал, — сообщил он мне. — И человек тоже очень хороший.

В этот момент вошел Оливье, и все в конце концов замолчали и принялись за работу.

Во время перерыва на обед настал черед Милтона Грина. Впервые он поджидал меня, а не Оливье, в коридоре перед гримерными.

— Колин, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— О господи, только не сейчас, Милтон! Сэр Лоуренс в бешенстве! Что, черт возьми, опять случилось? Я не сделал ничего плохого!

— Вчера мне позвонил из Парижа Артур Миллер. И выразил свое недовольство.

— Артур Миллер! Он даже не знает, кто я!

— Теперь знает. Похоже, он звонил Мэрилин вчера вечером, и она очень долго шла к телефону. Когда он спросил ее, почему она

заставила его ждать, Мэрилин сказала, что прощалась с тобой.

— О... — Я был изумлен этой выходкой. — Думаю, она злилась на него за то, что он уехал, и решила вызвать его ревность. Было совсем не поздно, около девяти часов.

— Десять тридцать, по словам Артура.

Как быстро пролетело время, однако!

— У него же французское время. Там на час больше, — быстро сообразил я.

— Не в этом суть! — Милтон начинал терять терпение. — Артур спросил меня, что ты вообще там делал. А я и сам не знаю! Что ты там делал? Скажи мне правду!

— Да ничего я не делал! Столько шума на пустом месте! Мисс Монро попросила меня заехать, потому что ей нужно было передать важную новость для сэра Лоуренса. Я ждал ее около часа, затем она предложила мне салат с курицей, а потом я ушел. Вот и все!

— И что же это за чрезвычайно важная новость, которую ты должен был передать сэру Лоуренсу?

— Ну, она сказала, что не приедет в студию сегодня. Вот и все. — Это звучало совершенно неубедительно.

— Но Оливье это и так уже знал! На самом деле это же он решил, что Мэрилин не нужно приезжать!

— Нуда. Так и есть. Я тоже подумал, что это немного странно.

— Подумал? Да ты вообще не думал! Если бы ты «подумал» как следует, ты бы понял, что нельзя приближаться к кому-то вроде Мэрилин Монро, не побеспокоив этим кого-то еще. В данном случае — ее мужа. И меня.

Внезапно Милтон заговорил дружелюбным тоном.

— А теперь, Колин, послушай меня, пожалуйста. Не нужно больше навещать Мэрилин. И даже говорить с ней не нужно, не

поставив меня в известность. Для тебя и для всех без исключения членов команды она — запретный плод. Понял? Ты мне нравишься, Колин, но если подобное повторится, мне придется сказать сэру Лоуренсу, чтобы вход в студию для тебя был закрыт. Извини, но только так. Я сегодня сам поужинаю с Мэрилин и объясню ей ситуацию, поэтому тебе не обязательно выходить с ней на связь. Она сказала Артуру, что вы, возможно, увидитесь снова сегодня вечером, но очевидно, что этого не будет. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо еще. Хорошо?

— Хорошо, Милтон. Но я все-таки считаю, что ты делаешь из мухи слона.

Все это, конечно, было здорово, но я не хотел потерять работу. Ничего особенного не случилось, а все делали из этого трагедию. Мне было ужасно жаль Мэрилин. Она поймалась в ловушку своей собственной славы. Ее, наивную девчушку из Калифорнии, взяли в оборот эти пронырливые ньюйоркцы, — она была похожа на курицу в золотой клетке, вынужденную нести им на радость золотые яйца. Мэрилин напоминала мне прекрасную принцессу, которую заточил в своем замке злой король — Артур Миллер. Милтон был волшебником, своими чарами принуждавший принцессу делать все, что ей говорят; Пола — льстивой придворной дамой, которая шептала принцессе бесконечные слова утешения, чтобы одурачить ее, заставить думать, что власть в ее руках. Остальные — включая Оливье, хотя он этого и не осознавал, — были обычными декорациями. Теперь же принцесса предприняла попытку сообщить миру о том, что ее держат взаперти. Это и было то послание, которое Мэрилин хотела мне передать. Но эти жадные до наживы типы, разумеется, не желают, чтобы кто-нибудь узнал об их сокровище. Неудивительно, что Милтон так стремится отодвинуть меня в сторону!

Я отчаянно хотел спасти ее, но что я мог поделать? Я не мог рассказать полиции. Не мог сообщить в газеты. Никакой журналист из мира шоу-бизнеса мне бы не поверил — в любом случае, они все были соучастниками заговора. Они слишком боялись системы, чтобы раскачивать лодку. Мэрилин была как корова-призер, которую возили от шоу к шоу, прихорашивали, чистили и подстегивали, а зрители глумились и аплодировали. Сделай она хоть один крошечный шаг к независимости — и небо рухнуло бы ей на голову. «Она опасная интриганка, — сказали бы они, как Тони. — Ей нельзя доверять».

Оливье был все еще в гримерной, когда Милтон ушел, и в отчаянии я решил попытаться обсудить эту проблему с ним. «Оливье — нормальный человек, — думал я. — Он честный и рассудительный мужчина. Вероятно, если я объясню ему все как следует...»

— Забудь об этом, Колин, — бросил Лоуренс, не дав мне даже рта открыть. — Это выше нас. Вот почему я так ненавижу Голливуд. Американские кинокомпании настолько влиятельны, что все перед ними пресмыкаются. Голливуд — это огромная машина по производству денег. Его называют фабрикой мечты. Это и правда фабрика, но никакой не мечты — значение имеют только деньги. Власть, секс, гламур существуют лишь для того, чтобы ослепить публику и скрыть от нее истину. А девушки вроде Мэрилин пытаются воспользоваться этой машиной, как она пользуется ими. Это война. Ни одна из сторон не уступает. Поверь мне, нужно быть очень сильным, чтобы пройти хотя бы одну десятую того пути, который прошла Мэрилин. Теперь она стала самой знаменитой из них всех. Она бросила вызов голливудским боссам и не без помощи Милтона одержала значительную победу. Какое-то время она даже думала, что свободна. Но кто на самом деле контролирует ее? «Эм-си-эй», крупнейшее голливудское агентство. Кто оплачивает этот фильм? «Уорнер бразерс». С кем у нее по-прежнему контракт? С компанией «20-й век Фокс». Она просто не сможет работать без поддержки и одобрения Голливуда. Разумеется, она бы и хотела с тобой подружиться, но этому не бывать. В Голливуде нет друзей. Поблагодари Бога, что у нас тут пока еще не так. А теперь ступай домой и поужинай с Тони и Энн. Ты им нравишься.

— Спасибо, Ларри, — сказал я и отправился домой с тяжелым сердцем.

Суббота, 15 сентября

Наступило утро. Сияло ослепительно яркое солнце, и на этот раз мне не нужно было вставать в шесть утра и ехать в студию. Когда я наконец спустился в кухню, Энн Бушелл уже готовила обед. Она с недоверием смотрела на меня, пока я накладывал себе хлопья с молоком.

— Тони говорит, неделька у тебя выдалась занятная, — наконец проговорила она.

— Они раздули все до абсурда, — ответил я. — Вы действительно считаете, что это такой страшный грех — дружить с Мэрилин? У нее мало друзей, к тому же Артур уехал, и ей одиноко.

— В том-то и загвоздка, Колин. Похоже, у тебя репутация ловеласа. Как будто я не слышала, что Тони говорил о девушке из костюмерной! И о какой-то балерине из Лондона...

— О, Энн, разве это преступление — восхищаться красивыми женщинами? У меня же ни с кем нет романа, и вы это знаете.

Энн и сама была очень привлекательной.

— Ну, Мэрилин не просто очередная красивая женщина, не так ли? На ней завязаны огромные суммы денег, и ты это знаешь. На кону этот фильм и репутация бедного Ларри как режиссера. И не забывай, что у нее медовый месяц. Определенно неподходящее время заводить новых друзей мужского иола. Я слышала, что вчера она ужасно поссорилась с Артуром. Надеюсь, это не из-за тебя.

— Разумеется, нет. Вероятно, Мэрилин просто не нравится, как Артур к ней относится — так, словно она приз, который он выиграл в лотерее. Мне кажется, она его боится. Она ведет себя с ним как со строгим отцом, которого обожает, но которому не может угодить. Почему он вдруг уехал в Париж — понять не могу. Должно быть, спланировал это заранее — раз уж они в Европе, — но ходят слухи, что из Парижа он собирается лететь в Нью-Йорк...

— О, бедная девочка, — вздохнула Энн. — Как ей тяжело!

В этот момент я услышал шум подъезжающей машины и вышел посмотреть, кто это к нам пожаловал. К моему удивлению, по гравийной дорожке полз старый черный «уолси» Роджера, его верный конь. Интересно, он выкупил его, когда ушел из полиции?

Тони неожиданно возник из-за угла дома — наверное, тоже услышал шум автомобиля.

— Какие-то проблемы, Роджер? — рявкнул он. Тони любил проблемы. Благодаря его военным замашкам порой создавалось впечатление, что он решит любой вопрос и найдет выход из

любого положения. В действительности он был просто актером и все говорил «не в кассу».

— Да никаких проблем, мистер Бушелл, — ответил Роджер. — Я приехал за Колином — позвать его на обед.

— Так-так, Роджер, ты случайно не в дом мисс Монро собрался его везти? — сурово спросил Тони. — Только этого нам недоставало!

— Определенно нет. Я не повезу Колина в дом мисс Монро. Даю слово.

— О, ну тогда все в порядке. Просто я почему-то решил, что это она прислала тебя за ним.

— Нет, не посылала. Колин, давай, запрыгивай. Пора ехать.

— Куда, Роджер? — спросил я, забираясь на переднее сиденье. — Что мы будем делать?

— Не важно. Просто закрой дверь. — Он включил первую передачу.

Тони подошел к машине, пытаясь что-нибудь рассмотреть через заднее стекло, но мы уже тронулись.

— Погоди! — крикнул Тони. — Что там под пледом на заднем сиденье? Мне показалось, оно пошевелилось.

— Это моя собачка, сэр, — сказал Роджер в приоткрытое окно, бросив взгляд назад. — Мы везем ее гулять в Виндзорский парк.

Мы покатились по гравийной дорожке. Тони стоял на газоне и обескураженно чесал макушку.

— Почему ты оставил мисс Монро одну, Роджер? — спросил я. — Кажется, я уже говорил тебе, что нельзя так делать.

— Сюрпри-и-из!

В зеркале заднего вида внезапно возникла светлая голова Мэрилин. Она выскочила словно чертик из коробочки. Меня чуть

не хватил удар.

— Мэрилин, что ты тут делаешь?!

Она заливисто рассмеялась.

— Ну что ж, уже лучше! Наконец-то на «ты»! Я сыта по горло всеми этими «мисс Монро». Это звучит так помпезно. В любом случае, сегодня я не хочу быть мисс Монро. Я просто хочу быть собой. Мы с Роджером решили заехать за тобой и устроить тебе сюрприз. Разве ты не рад меня видеть?

— О, конечно, я в полном восторге! Просто вчера, э-э-э, все ужасно злились на меня за то, что я приезжал в Парксайд, и запретили мне вмешиваться в твою жизнь, съемки и прочее.

— О, чушь какая! — фыркнула Мэрилин. — Не обращай внимания на всех этих болтунов. Сегодня такой чудесный день! Мы с Роджером подумали, что самое время отправиться на поиски приключений, не так ли, Роджер?

— Хм-м, — протянул Роджер. Он остановил машину и припарковался, заехав двумя колесами на траву. — Итак, куда мы поедем?

Я обернулся и встретил озорной взгляд Мэрилин.

— Да, но Милтон сказал, что если я заговорю с тобой снова, он сделает так, что меня уволят или просто запретят появляться в студии.

Мэрилин нахмурилась.

— До Полы у меня была другая наставница по драмискусству. Ты не поверишь, как часто ее просили покинуть съемочную площадку. Но она не уходила. Никто не может уволить тебя, Колин, — кроме меня, конечно. — Она снова захихикала. — Ты в полной безопасности.

— Что за?.. — раздался возглас снаружи.

Не замеченный нами, Тони подошел проверить, в чем дело, почему мы остановились. Теперь он смотрел на заднее сиденье, с лицом, перекошенным от ярости.

Мэрилин вскрикнула и снова накрылась пледом. Роджер рывком выжал сцепление, и машина лениво сдвинулась с места, как старая черная ворона.

— Стой! — крикнул Тони. — Колин! Мне нужно поговорить с тобой!

Но на этот раз полицейские навыки Роджера сослужили ему хорошую службу. Никто не похитит Мэрилин Монро, пока он за рулем, даже сам мистер Бушелл.

— Уф-ф! Это было опасно. — Мэрилин вновь появилась в зеркале заднего вида, еще более растрепанная, чем прежде. — Думаете, он меня видел?

— Я в этом просто уверен, — отозвался я. — Он уже звонит сэру Лоуренсу.

— О-о-о. И что, по-твоему, скажет сэр Лоуренс?

— Он подумает минуту, а затем громко рассмеется и попросит Тони никому больше об этом не говорить.

— Ты хорошо знаешь сэра Лоуренса, да, Колин?

—Да, и он великий человек. Но тебе, вероятно, таковым не кажется. Что ж, это вполне понятно...

— О, я даже не знаю. Он так суров. Обращается со мной скорее как со школьницей, нежели как с актрисой.

— У него просто манера такая. Он прекрасно видит, что ты талантливая актриса. Мы все это видим.

— Я не хочу вам мешать, — встрял Роджер. — Но куда мы едем?

— Куда угодно, — сказала Мэрилин. — Сегодня суббота, и я свободна. Как насчет Виндзорского парка, о котором вы говорили мистеру Бушеллу, а, Колин? Или ты думаешь, что он последует за нами и будет шпионить? Да какая разница! У нас есть Роджер. Мы можем поехать куда угодно.

— Тогда Виндзорский парк, решено, — сказал Роджер. Несколько минут спустя он повернул на длинную тенистую аллею. — Это здесь.

Вскоре мы оказались у высоких железных ворот с маленькой калиткой сбоку. Роджер остановился, вышел и постучал. У двери появился охранник; Роджер объяснил ему что-то, а затем показал, как я полагаю, пропуск.

— Мне неуютно сзади одной, — пожаловалась Мэрилин. — Я чувствую себя королевой. Иди сюда, ко мне. — Я протиснулся на слишком вместительное заднее сиденье. — Вот так. Ты же сказал, что не боишься меня. Давай, устраивайся поудобнее!

Роджер вернулся за руль и вздохнул при виде опустевшего переднего сиденья. Охранник открыл ворота.

— Мы едем к Ее Величеству, — пояснил Роджер. — Вы, там, на заднем сиденье, ведите себя прилично.

— О-о-о, — сказала Мэрилин. — Мистера Бушелла туда не пустят! — И она сжала мою руку.

Все развивалось слишком быстро. Я чувствовал себя так, словно меня похитили. Разумеется, я был в восторге — ведь я ехал к Виндзорскому замку на заднем сиденье вонючего черного «уолси», прижавшись к Мэрилин Монро, — но что будет дальше? На мне не было даже пиджака. Куда мы могли пойти? Что я мог сделать? И как я потом вернусь на площадку в качестве третьего помощника режиссера? Так можно было запросто повредиться рассудком. Прежде Роджер был единственным здравомыслящим человеком в окружении Мэрилин, но теперь и он, казалось, стал участником какого-то заговора! Меня, возможно, осудят за нарушение контракта, или раскол семьи, или что-то в этом духе. Вероятно, студия «закажет» меня. Они обвинят меня в похищении самой известной женщины в мире, кинозвезды, которая приносит многомиллионную прибыль. А что если мы попадем в аварию и она погибнет?

— Останови машину, Роджер, — сказал я. — Давайте выйдем и подумаем. Вокруг никого. Самое время немного прогуляться на свежем воздухе.

Роджер подъехал к обочине, и мы с Мэрилин вышли. Она все

еще держала меня за руку.

— Я останусь здесь и подожду вас, — предложил Роджер. — А вы прогуляйтесь к тому маленькому ручейку и освежитесь немного.

— Отличная идея! — воскликнула Мэрилин, а затем отпустила мою руку и наклонилась, чтобы снять туфли. На ней было короткое белое платьице, и моему взору предстала — умышленно или нет — невероятно соблазнительная часть ее великолепного тела.

— Пойдем, Колин, — позвала Мэрилин и, покачивая бедрами, направилась вниз по склону, ступая по траве голыми ступнями. — Не будь занудой. Сними обувь. Это так здорово!

Когда мы наконец добрались до ручейка, нам было невероятно жарко, а потому мы без лишних колебаний вошли прямо в воду.

— Мне кажется, так хорошо мне никогда еще не было, — сказала Мэрилин, посерьезнев. — А ты, Колин? Разве ты не чувствуешь то же самое? Впервые в жизни я ощущаю себя частью природы. Я уверена, что и ты это чувствуешь...

Откровенно говоря, я чувствовал себя так, словно вот-вот утону, хотя вода была глубиной всего лишь несколько сантиметров.

— Чувствую, Мэрилин, — пробормотал я.

Но она меня не слушала.

— Зачем я принимаю таблетки? Почему так беспокоюсь о том, что подумают все эти мужчины? Почему позволяю помыкать собой? Вот как я должна себя чувствовать каждый божий день. Это и есть настоящая я... не так ли, Колин?

У меня начали замерзать ноги, и я вывел Мэрилин на берег и сел на траву.

— Нет, Мэрилин. Увы, но это не настоящая ты. Это просто прекрасная, прекрасная иллюзия. А ты звезда. Великая звезда. — Я начинал уподобляться Поле Страсберг, но это была истинная

правда. — Ты не можешь от этого отречься. Ты должна играть. Миллионы людей любят тебя и восхищаются тобой. Ты не можешь повернуться к ним спиной. Не можешь убежать. Давай просто проведем этот день вместе, чудесный день, который мы никогда не забудем, а затем вернемся к реальной жизни.

— Всего лишь один день?

— Ну... может, уикенд?

— Или неделю?

— Посмотрим.

Лицо Мэрилин просветлело.

— Хорошо. Так как мы проведем наш день?

— Давай поедем в Виндзорский замок. Ее Величество, вероятно, там. Затем мы можем съездить туда, где я учился, в Итонский колледж. Там есть маленькое кафе, где готовят вкуснейшую еду. А затем мы могли бы немного поплавать в реке, прежде чем вернуться домой.

— Звучит замечательно! Вперед! Как думаешь, Роджер не будет против, если мы будем обращаться с ним, как с водителем?

Я посмотрел ей в глаза.

— Он сделает все что угодно ради тебя, Мэрилин, ты же знаешь.

Роджер, как оказалось, хорошо знал дорогу к замку.

— Я когда-то работал здесь, — пояснил он. — Присматривал за королевским семейством.

Он припарковался на склоне перед главными воротами и пошел к будке охраны. Мы с Мэрилин держались в нескольких шагах позади. Роджер явно получал удовольствие от происходящего: наконец-то он приступил к своим обязанностям.

В проходе под аркой стояли двое гигантских полицейских в форме. И хотя они были не знакомы с Роджером, было очевидно,

что они сразу узнали в нем себе подобного.

— Главный суперинтендант Смит, — сказал Роджер. — Я сопровождаю этих даму и джентльмена. Они хотят посмотреть дворец.

— Они здесь кого-нибудь знают, сэр? Нам нужно пометить, к кому они пришли. Иначе одному из нас придется ходить за ними по пятам, а это может им не понравиться, сэр.

Мэрилин отчаянно вцепилась в мою руку; судя по всему, она до смерти боялась, что они ее узнают, и в то же время хотела этого.

— Здесь работает мой крестный, — сказал я. — Я часто навещал его, когда учился в колледже. Он библиотекарь. Его зовут сэр Оуэн Морсхед. Может, вы позвоните ему?

Все удивленно вскинули брови. На мне была белая рубашка, серые фланелевые штаны и сандалии — довольно странный наряд для человека, который собрался во дворец. Мы прошли в будку охраны, и полицейский набрал номер.

— Сэр Оуэн? Это с главных ворот, сэр. У меня тут юный джентльмен, по имени...?

— Кларк. Колин Кларк.

— По имени Кларк, сэр. Он хочет сказать вам пару слов. — И охранник передал мне трубку.

— Колин, это ты? Что ты здесь делаешь? — раздался в трубке голос Оуэна Морсхеда — чудаковатого филолога с прекрасным чувством юмора. Он женат на прелестной женщине по имени Пакита. Вместе они — как порыв свежего ветра в душных королевских покоях.

— Я работаю на съемках недалеко отсюда и решил вот привести свою, э-э-э, подругу, — я улыбнулся Мэрилин, — чтобы ты с ней познакомился.

— Как мило! — отозвался Оуэн. — Я с минуты на минуту жду гостей, поэтому приходите прямо сейчас. Поднимайтесь вверх по холму, пока не увидите еще одного полицейского. Он вас

проводит ко мне.

— Я лучше подожду у ворот, — сказал Роджер. — Во дворце вы будете в безопасности, мисс Монро.

— Ш-ш-ш! — шикнула на него Мэрилин, подмигнув и вильнув бедрами.

Двое детин-полицейских вытаращили глаза.

Мы пошли к замку.

Новости расходятся быстро, и на следующем посту охраны нам навстречу выскочили трое или четверо человек. Они так увлеченно глазели на мою «подругу», что мне пришлось отодвинуть их в сторону, чтобы войти в библиотеку.

Оказавшись внутри, мы словно попали в другое измерение. Сэр Оуэн Морсхед производил впечатление человека, который никогда в жизни не бывал в кино.

— Очаровательно, очаровательно. Вы очень милы, моя дорогая. Я уверен, что у вас с Коли-ном много общего. Ну, вот мое скромное жилище. — Он обвел рукой королевскую библиотеку, помещения которой были заполнены книгами и картинами. На столах лежали книги, на стульях высились груды книг, и даже пол был завален книгами.

Оуэн засмеялся.

— Здесь довольно скучно и пыльно, да?

Но Мэрилин была в восторге.

— О, сэр Оуэн (я и не ждал, что она запомнит это имя), я люблю книги, — прошептала она с полудетским восторгом. — Вы прочитали их все?

— К счастью, это не обязательно. — Оуэн был ужасно горд собой. — Многие из них — с картинами. — Он взял с полки большое порт-фолио и открыл его. — Вот эти принадлежат перу художника по имени Гольбейн.

— О-о-о, какая красивая дама, — восхитилась Мэрилин,

заглянув через его плечо. — Кто это?

— Она была дочерью одного из придворных короля, четыреста лет назад.

— Только представить, четыреста лет, а картина по-прежнему выглядит великолепно. Боже! Сколько у вас таких?

— Восемьдесят девять. А вот эти, — продолжал Оуэн, взяв другую папку с рисунками, — принадлежат перу итальянского художника по имени Леонардо да Винчи.

— Да Винчи! — воскликнула Мэрилин. Никогда не знаешь, что от нее ждать. — Я слышала о нем! Это же он нарисовал ту даму, которая еще так загадочно улыбается. Ты же знаешь, о чем я, Колин?

— Мона Лиза.

— Да, она. У вас и она тоже есть?

— Увы, — вздохнул Оуэн. — Этой, к сожалению, нет. Но довольно об искусстве. Не буду утомлять вас.

— Вы вовсе не утомляете меня, сэр Оуэн, — прошептала Мэрилин. — Тут чудесно. Я могла бы сидеть здесь часами.

— Давайте лучше пойдем и посмотрим ту часть дворца, где живет королева. Ее сейчас нет, но она будет очень огорчена, что не застала вас.

— Правда? — удивилась Мэрилин.

— О да, — кивнул Оуэн. — Она совсем недавно сказала мне: «Интересно, каково это — быть самой знаменитой женщиной в мире?»

Итак, Оуэн тоже умел быть непредсказуемым.

— Ну вот, — говорил он, — это Белая гостиная. Очень мило, не правда ли? А вот это портрет короля Георга Третьего. Именно он растерял все наши американские колонии двести лет назад. Это его жена, а это дети.

— О, они чудесны! — воскликнула Мэрилин. Она все еще пребывала в недоумении.

Нам приходилось почти бежать, чтобы успеть за Оуэном, когда он быстрыми шагами переходил из одной комнаты в другую.

— А вот это Зеленая гостиная. Из окон открывается чудесный вид на Виндзорский парк, не правда ли? Но вы уже были здесь, так ведь?

Как и у всех королевских придворных, у библиотекаря была своя сеть шпионов.

— А это Красная гостиная. Чересчур напыщенная, как мне кажется, — произнес Оуэн с чувством собственной важности. В отсутствие монархов, которых можно было впечатлить убранством дворца, голливудские звезды казались неплохой альтернативой.

Мэрилин была потрясена.

— Вы хотите сказать, что Ее Величество действительно живет здесь, в этих комнатах?!

— Ну, у нее есть частные апартаменты, где она спит, но здесь она принимает гостей.

— Боже! — выдохнула Мэрилин.

— Если все это кажется вам несколько непомерным, — сказал Оуэн с заметным ликованием, — я покажу кое-что поменьше.

Он провел нас по очень широкому и длинному коридору, увешанному картинами, затем в маленькую дверь и вниз по лестнице.

— Ну, а что вы скажете на это?

Мы оказались в комнате, пространство которой целиком и полностью занимал невероятных размеров кукольный дом, обставленный и декорированный как роскошный особняк. Внутри было все, что можно себе вообразить: кровати, стулья, ванны, бассейны, краны, настольные лампы, ковры, канделябры — в

точности как настоящие, до мельчайших деталей. В гараже стояли машины, на траве — газонокосилки, в кухне — горшки и кастрюли с едой, на столике — крошечная швейная машинка «Зингер».

Мэрилин в восхищении сложила руки и опустилась на колени. Она выглядела такой юной и невинной, что у меня сжалось сердце. Оуэн также не сводил с нее глаз. Она в буквальном смысле излучала радость. Затем встала, расправила плечи и задумчиво произнесла:

— У меня никогда не было кукольного домика в детстве. Хотя многим, кого я знала, и самим-то жить было негде. Но, думаю, если ты королева...

— Что ж, вам наверняка уже не терпится продолжить свой путь, — сказал Оуэн. Прежде всего, искусный придворный должен уметь выпроваживать гостей. — Но я скажу Ее Величеству, что вы заходили. Я полагаю, милая, вы встретитесь с королевой в следующем месяце. (Эта встреча действительно имела место, на премьере фильма «Битва на речном плато».)

— Значит, вам известно, кто я? — спросила Мэрилин.

— Ну, разумеется, известно, дорогая. И я очень польщен, что мой крестный сын привел вас познакомиться со мной. Вы так же прелестны, как и на фотографиях.

Это было не совсем корректно — в тот момент Мэрилин выглядела как беспризорница.

— Ну а сейчас, до свидания, до свидания. Не буду больше вас задерживать.

С этими словами Оуэн выпроводил нас через другую маленькую дверку прямо под яркое солнце.

— Ух ты! — сказала Мэрилин. — Вот так крестный отец! Колин, как ты думаешь, он так же ведет себя с королевой?

— Точно так же. За это она его и любит.

К тому времени как мы вернулись к главным воротам, там уже собралась порядочная толпа. Несмотря на протесты Роджера,

двое полицейских рассказали своим друзьям о том, кто к ним пришел, а те сказали своим друзьям, и так далее, по цепочке. Сначала я подумал, что Мэрилин занервничает, но она пришла в восторг. Должно быть, ей было не по себе оттого, что она так долго оставалась инкогнито для публики.

— Мне нужно стать Мэрилин Монро? — спросила она.

И, не дождавшись ответа, вспрыгнула на ступеньку и приняла излюбленную позу: изогнула бедра, расправила плечи, выставила вперед свою знаменитую грудь. Затем надула губки и распахнула глаза широко-широко, и внезапно перед нами появился образ, известный всему миру. Аудитория инстинктивно зааплодировала. У некоторых были камеры, и несколько минут Мэрилин позировала для них. Учитывая, что она была почти без макияжа и не укладывала волосы, нашим глазам предстало воистину поразительное зрелище.

Но мне стало не по себе. Что я вообще делаю в обществе голливудской звезды? Мгновение назад я держал ее за руку так, словно она — моя девушка. Если не буду благоразумнее, рискую выставить себя на посмешище. Я бы никогда не позволил себе такие вольности с Вивьен Ли — а с ней я был знаком гораздо лучше, чем с Мэрилин, которую, надо признать, вообще едва знал. Я выбрался из толпы и спрятался за спинами зрителей, чувствуя себя гномом и мечтая провалиться сквозь землю.

Наконец Роджер решил положить этому конец и подал знак полицейским. Те оттеснили зрителей в сторону и освободили нам дорогу. Люди продолжали отчаянно напирать, чтобы взглянуть на Мэрилин еще раз, будто какая-нибудь богиня снизошла на землю с неба.

— Кто вы? — спросил меня один мужчина, когда я пытался протиснуться на заднее сиденье машины.

— О, я никто. Я просто работаю над съемками фильма вместе с мисс Монро.

— Никогда больше не говори, что ты никто, — очень серьезно сказала мне Мэрилин, когда я захлопнул дверцу. — Ты — это ты. И вообще, этот вопрос предназначался мне. Кто я, по-моему, такая? Мэрилин Монро? — И она расхохоталась. — Я ужасно хочу есть, Колин. Где мы поедим?

Мы поехали в стилизованное под старину кафе на Итон-Хай-стрит. Оно называлось «Кокпит»; кругом черное дерево, уютные местечки у камина и маленькие старушки, кушающие булочки. Я сначала думал поехать в отель «Олд-Хаус», где готовили превосходную еду, но там Мэрилин обязательно узнали бы, а я не хотел пережить это снова. Мне достаточно было того, чему я только что стал невольным свидетелем. Я, похоже, становился собственником; в любом случае, мне больше нравилась хрупкая и уязвимая Мэрилин, а не Мэрилин — великая звезда. Сейчас она за обе щеки уплетала сэндвичи с яйцом и кресс-салатом, запивая их кофе, и напоминала мне беззаботную школьницу. Мое сердце снова устремилось к ней.

— Какие у нас дальше планы, Колин? О, давно я не была так голодна! Боже, эти сэндвичи и правда восхитительные! Ужасно калорийные, конечно, но чего уж там! Ты меня балуешь, Колин! Родители когда-нибудь водили тебя сюда? Могу представить, как ты себя чувствовал!..

— Хочешь посмотреть, где я учился? — предложил я. — Я не был там с восемнадцати лет.

— Так давно? — спросила она с оттенком иронии. — Но не забудь: ты обещал, что мы искупаемся.

— У нас же нет купальников, — смутился я. (Только представьте, какая толпа могла собраться! Мы произвели бы настоящую революцию.)

— О, подумаешь! Ты можешь искупаться в штанах. В конце концов, не каждый же день тебе выпадает возможность поплавать с Мэрилин Монро! — И она опять залилась смехом, вызвав недовольство сидевших за соседними столиками старушек, которые бросали на нас неодобрительные взгляды.

— Роджер, — сказал я, — через дорогу есть магазин, где продают одежду. Ты не мог бы сбегать туда и купить пару полотенец и плавки для меня? Я отдам тебе деньги, когда мы вернемся домой.

— Если мы вообще туда вернемся, — пробормотал Роджер. Он явно не одобрял затею с купанием, но все равно пошел в магазин. Через несколько минут он вернулся в кафе с коричневым бумажным свертком.

— Так здорово! — воскликнула Мэрилин. — Я просто в восторге. Пойдемте купаться!

— Но сначала еще немного культуры, — сказал я. — На десерт.

— О-о-о, — только и ответила Мэрилин.

Роджер отвез нас к Итонскому колледжу.

Мы все вместе вошли внутрь.

— Хм, это здание выглядит ужасно старым, — сказала Мэрилин. — И немного запыленным, если можно так выразиться.

— Колледж действительно старый, — ответил я. — Ему больше пяти сотен лет. Это статуя его основателя, короля Генриха Шестого... А вон в той комнате наказывали нерадивцев. Если кто-то учился недостаточно прилежно, его пороли связкой прутьев. Мы называли это «высечкой». Ученик спускал штаны, и его стегали до тех пор, пока кровь не начинала течь по ногам. Легенда гласила, что, если парень сумеет вырваться, перелезть через ограждение и коснуться ноги статуи прежде, чем будет пойман, он получит прощение короля и его не будут пороть.

— Господи! Не уверена, что мне нравятся все эти аристократические методы воспитания. А тебя когда-нибудь били, Колин?

— Меня довольно часто били тростью, но никогда не пороли.

— Бедный Колин... У меня было очень несчастное детство, но меня хотя бы не били вот так. Давайте выбираться отсюда, пока нас не поймали и не высекли. Наперегонки до машины! — И Мэрилин пустилась бегом через школьный двор, как лань. Я побежал следом за ней.

Воздух был горячий и влажный. Роджер оставил машину в

тени, но температура на заднем сиденье старого «уолси» была теперь, как в тропиках. Я показал Роджеру, где свернуть с главной дороги, чтобы подобраться поближе к Темзе. Я давно здесь не бывал, и тропа, по которой мы ехали, стала теперь еще более ухабистой. Нас подбрасывало на каждой кочке, и Мэрилин отчаянно держалась за меня. Когда машина остановилась, мы были все в поту и намертво прилипли друг к другу, а потому поспешили к реке.

— Это единственное место, где в воду можно войти по песку, — сказал я, остановившись на берегу. — Поэтому купаться лучше всего здесь. Я плавал тут много раз, хотя и рисковал быть высеченным. Но осторожнее, Мэрилин: вода очень холодная.

— Это как раз то, что мне нужно! — воскликнула она. — Холодная ванна! Но почему здесь больше никого нет?

— Все разъехались по домам на летние каникулы.

Я обычно долго раздеваюсь (или одеваюсь, если уж на то пошло). По какой-то неведомой мне причине в этот момент я всегда необыкновенно щепетилен. К тому моменту как я надел свои новые плавки, — Мэрилин и я переодевались за разными кустами, — я уже услышал всплеск: это Мэрилин прыгнула в реку. Когда я наконец вышел из-за куста, я увидел только ее белокурую головку, торчавшую над водой. Входя в воду, я слышал, как она напевает что-то себе под нос и заливисто смеется.

— О, я так счастлива! Я правда чувствую, что это происходит именно со мной, а не с кем-то другим, — она посмотрела на меня и рассмеялась снова, опять посмотрела, а затем внезапно посерьезнела. — Колин, — позвала она, — мне что-то попало в глаз. Ты мне поможешь?

Сжав зубы от холода и держа руки над головой, я вошел в ледяную воду и, приблизившись к Мэрилин, заглянул в ее огромные глаза. Вдруг она обвила мою голову руками, притянула к себе и поцеловала в губы.

Мне потребовалась сотая доли секунды, чтобы понять, что происходит. Еще через секунду я осознал, что на Мэрилин нет одежды — по крайней мере выше пояса. Прикосновение ее губ и груди в ледяной воде едва не заставило меня потерять сознание.

— Уф-ф! Это было замечательно, — выдохнула Мэрилин. — Я впервые поцеловала кого-то моложе себя. Повторим?

— Позже, Мэрилин, дорогая, — я был в панике. — Что если мимо проплывет какое-нибудь судно? К тому же мы замерзнем. Подожди здесь секунду — я принесу полотенца. Если ты выйдешь из воды в таком виде и кто-нибудь увидит тебя, нас арестуют.

— О, ерунда какая! — воскликнула Мэрилин, выходя из воды следом за мной. — Роджер все уладит. А тебе незачем смущаться, Колин: ты ведь все это видел прежде.

Она была права: однажды я действительно видел Мэрилин обнаженной, когда случайно ворвался в ее гримерную без предупреждения. Но это не значило, что сейчас я мог отвести от нее глаза. Ее прекрасное тело излучало здоровье и жизненную силу. Она напоминала мне одну из тех очаровательных юных дев, которые сидят на облаках на картинах Тьеполо. Я вышел на берег первым, схватил одно из полотенец и набросил его на плечи Мэрилин. Затем взял другое и обернул вокруг своей талии, чтобы спрятать слишком очевидное доказательство влечения, которое я испытывал к этой женщине.

— О, Колин, старый итонец!1 — Мэрилин запрокинула голову и расхохоталась. Именно эти слова она произнесла тогда, когда я ворвался к ней в гримерную. — Было здорово! Меня редко целуют. У мужчин, которые появляются в моей жизни, кажется, просто нет на это времени. Они либо сразу запрыгивают на меня, либо хотят, чтобы я запрыгнула на них.

Роджер мирно спал под деревом, когда мы вернулись к машине. Он посмотрел на нас — растрепанных, в мокрой одежде — и покачал головой с очевидным неодобрением.

— Пора возвращаться домой.

— Да, наверное, — сказала Мэрилин, погрустнев. Она села в машину и съежилась на заднем сиденье, как ребенок, который знает, что будет наказан.

Путь в Парксайд-Хаус занял двадцать минут. Я держал Мэрилин за руку, но она молчала. По какой-то причине я чувствовал себя ужасно виноватым, но мне было нечего сказать.

Настало время снова повзрослеть.

Разумеется, когда мы приехали, на подъездной аллее стояли два автомобиля. В холле ждали двое мужчин. Одним из них был Милтон Грин. Другим — адвокат Мэрилин, Ирвинг Штейн.

— Здравствуй, Ирвинг. Здравствуй, Милт, — сладким голоском сказала Мэрилин. — Роджер отвезет тебя домой, Колин. И если вы, — она посмотрела на своих адвоката и партнера, — коснетесь хотя бы одного волоска на его голове или сделаете так, что его уволят, я буду очень, очень расстроена. Понятно?

— Да, Мэрилин, — ответили оба с усилием.

— Очень расстроена, — повторила она и, поднявшись по лестнице, исчезла наверху.

— Мистер Кларк, вы уделите нам минуту, прежде чем уйти? — обратился ко мне Штейн.

— Возможно, — ответил я с опаской. Они казались мне врагами.

— Вы слышали о юридическом термине «заманивание»? Как вам, должно быть, известно, мисс Монро связана с нами юридически, на контрактной основе. Любой, кто побуждает ее уклониться от выполнения контрактных обязательств перед нами, будет нести ответственность по закону. Это касается и ее личных отношений.

Милтон выглядел жалким, как один из Потерянных мальчиков в «Питере Пэне». Из них двоих главным был явно Штейн.

— Я провел этот день с мисс Монро по ее приглашению, — ответил я. — Больше того, мы все это время находились в присутствии главного суперинтенданта Роджера Смита из Скотленд-Ярда. Вряд ли вы найдете более надежного свидетеля, чем он. Увидимся позже, Милтон. Поехали, Роджер. Как я понял, ты меня подбросишь. Не буду заставлять тебя ждать...

С этими словами я ушел.

Я попросил Роджера высадить меня у паба около Раннимед-

Хаус и поужинал там. Я не хотел никому объяснять, что случилось. Тони определенно не понял бы.

Когда я все-таки добрался до постели, я не мог уснуть. Образ Мэрилин — вдвое больше, чем в жизни, — не выходил у меня из головы. Она смеялась, грустила, махала мне рукой, вздыхала. Я помнил поцелуй, но не мог вспомнить, что чувствовал тогда. Я был необычайно весел, но в то же время отчаянно печален. Когда я наконец забылся сном, мне приснилось, что я плыву в бушующем море к спасательному плоту, но никак не могу за него ухватиться.

Примечания

1. «Старый итонец» — также название старинного британского коктейля, который пользовался особенной популярностью во второй половине 20-х годов XX века. Своим названием обязан выпускникам Итонского колледжа, которых так и называли — старые итонцы.

Воскресенье, 16 сентября

Так-так! А вот и наш проказник!

Когда я спустился в кухню следующим утром, Энн Бушелл была определенно кокетлива.

— У Тони чуть не случился удар, когда он увидел Мэрилин на заднем сиденье машины! — сказала она.

— У меня тоже, — пробубнил я.

— О, так ты не знал, что она там? Значит, никакого тайного сговора не существовало?

— Если он и существовал, то я в нем не участвовал, уверяю вас. Но это, скорее, была неожиданная прихоть. Мэрилин захотелось выбраться из этого душного дома, подальше ото всех этих людей, которые без конца от нее что-то требуют. С ней невероятно весело!..

— О, ну конечно, — колко заметила Энн.

Я проигнорировал этот выпад.

— И чем же вы занимались? — поинтересовалась миссис Бушелл.

— Мы были в Виндзорском замке — там работает мой крестный, он библиотекарь. А потом перекусили в кафе и съездили в Итон.

— О, как мило! Культурный отдых, значит? Но ты вчера вернулся в таком виде...

Я прошел прямо в свою комнату, но Энн всегда все подмечала.

— Я почему-то подумала, что ты купался. Кстати, Мэрилин умеет плавать?

— Ну, э-э-э... да, умеет, и очень хорошо, на самом деле. Видите ли, вчера было ужасно жарко, поэтому мы искупались в одном местечке... Я часто там бывал, когда учился в колледже.

— Разумеется, — кивнула Энн. — Я даже не буду спрашивать, что было на вас вместо купальных костюмов.

В этот момент в коридоре зазвонил телефон, и я был на время избавлен от этого допроса.

Предсказуемо: это оказался Милтон Грин.

— Привет, Колин! Я хотел узнать, могу ли я заехать. Все отлично. Не беспокойся, я не собираюсь тебя в чем-то упрекать. Просто подумал, что нам не мешало бы поговорить — как мужчина с мужчиной.

— Энн, ты не против, если Милтон заедет?.. — крикнул я, а затем устало сказал в трубку: — Хорошо, Милтон. Приезжай, но Энн говорит, что в час мы будем обедать, поэтому у нас не так уж и много времени.

— Отведи его в сад, — посоветовала Энн, когда я повесил трубку. — Кто знает, может, на природе он успокоится быстрее.

Милтон приехал через десять минут.

— Давай прогуляемся к реке, — предложил я. — Это место

называется Раннимед. Ты знаешь, чем знаменит Раннимед?

— Нет, — сказал Милтон.

— Раннимед — это остров на Темзе, где 15 июня 1215 года короля Джона вынудили подписать Великую хартию вольностей. Каждый английский школьник это знает. Это произошло 741 год назад, Милтон, а Хартия вольностей до сих пор считается основой британской конституции. Помимо всего прочего, она гарантировала каждому человеку право на справедливый суд. Бароны вошли в Лондон и принудили короля подписать этот документ. Я упоминаю об этом потому, что не хочу, чтобы меня незаслуженно судили за эту поездку с Мэрилин. Я прошу справедливости.

— Эй, Колин, я не злюсь на тебя! Совсем нет. Я приехал лишь затем, чтобы дать тебе совет. Я всецело на твоей стороне. Просто мне не хочется, чтобы тебе было больно, вот и все.

«О, ну конечно! — подумал я. — Однако же ты был бы не против, если бы я упал со скалы и переломал себе все кости».

— Как это любезно с твоей стороны, Милтон.

— Видишь ли, я познакомился с Мэрилин очень давно, наверное, лет семь тому назад. Я влюбился в нее так же, как ты. Она тогда жила с влиятельным голливудским агентом Джонни Хайдом, а я работал фотографом в журнале Life, и у нас с ней был десятидневный роман. Всего десять дней. В этом и заключается проблема. Я не знаю, как донести это до тебя в более мягкой форме, Колин. Мэрилин заводит романы со всеми, кто ей понравится. Я знаю, что ты возвел ее на пьедестал. Мы все это делаем. Но влюбляться в нее было бы ошибкой. Она просто разобьет тебе сердце. Разумеется, вы чудесно провели время. Но довольно. Спасайся, пока не обжегся!

— Ты закончил, Милтон?

— Эй, ну не злись. Я не хотел говорить тебе это, но поверь: все ради твоего же блага.

— Во-первых, — ответил я, — у Мэрилин, разумеется, может быть «роман», как ты это называешь, с каким-нибудь гипотетическим мужчиной, но меня это не касается. Со мной у

нее ничего нет. Ты знаешь, можно прекрасно провести время и без всякого романа.

Милтон, казалось, сомневался.

— Но она сказала, что ты ее поцеловал...

— Во-вторых, — продолжал я твердо, — я не влюбился в Мэрилин. Я не знаю, как у вас принято в Голливуде, но нам, в Англии, нужно чуть больше времени, чтобы влюбиться. И в-третьих, я не возводил Мэрилин на пьедестал. Для меня она просто красивая, обаятельная и довольно печальная девушка, в обществе которой мне очень приятно находиться. Конечно, я понимаю, что она при всем этом — самая знаменитая кинозвезда в мире. Также я не забыл и о том, что у нее сейчас медовый месяц и ее муж — известный писатель. Но Мэрилин в невероятном напряжении. Она пытается безупречно сыграть свою роль в очень сложном фильме. А актер, играющий с ней в паре, ведет себя просто ужасно. Она не знает, кому может доверять.

Милтон нахмурился.

— К тому же, — продолжал я, — обожаемый супруг ни с того ни с сего бросил ее на десять дней. Не могу взять в толк почему! Учитывая все это, Мэрилин определенно нужен выходной, и если она решит провести его со мной, то я сочту себя счастливчиком и, уж конечно, не откажусь.

— Она говорила что-нибудь обо мне? Или о съемках?

— Ничего. Ни слова. Она ни разу не пожаловалась за целый день. Мы навестили моего крестного...

— Да, я слышал. Бог ты мой, хотел бы я увидеть рисунки Гольбейна своими глазами! Это же лучшие портреты в мире! Я фотограф-портретист, не забывай об этом.

— Может быть, мы как-нибудь съездим туда... Итак, потом мы с Мэрилин пообедали — рядом с нами всегда был Роджер, — а затем отправились в Итон. Я там учился. Мэрилин больше интересовалась культурой, нежели романтикой.

— А затем вы поехали купаться. Она сказала, что вы поехали купаться и целовались в воде.

«Бедная Мэрилин, — подумал я. — Ведет себя как маленькая девочка. Зачем она рассказывает Милтону обо всем так, словно он ее отец? "Папочка, папочка, я поцеловала Колина". Может быть, таким образом она дает им понять, что имеет право поступать, как ей захочется».

— Ну, сейчас она дома, — сказал я вслух, — целая и невредимая. Свежий воздух и прогулка наверняка пошли ей на пользу. Надеюсь, сэр Лоуренс поймет, что я трудился ради его же блага. Все-таки нам нужно снять этот фильм.

— Да, Мэрилин забыла, что должна была отрепетировать роль с Полой. Они занимаются этим сейчас. Пола сказала, что Мэрилин разнервничалась и попросила таблеток.

— Таблеток? Да на черта ей таблетки?

— Колин, ты не понимаешь.

— Я все прекрасно понимаю. Она напугана — она боится Полу, тебя и Оливье. Вы должны помогать ей, а не ополчаться против нее. Я думаю, она просто подсела на эти таблетки. Она не может быть собой. Никто из вас не хочет, чтобы она была собой. Вы хотите, чтобы она была «голливудской богиней Мэрилин Монро», потому как это приносит деньги. Только вообразите, как ей трудно! Даже в кино она не может быть «хористкой Элси Мариной» — ей приходится быть «голливудской богиней Мэрилин Монро, играющей роль хористки Элси Марины»! Вот почему эта роль дается ей так непросто, вот почему она никак не может запомнить свои слова! А под этим внешним фасадом секс-богини она просто одинокий ребенок, который заслуживает счастья. Но вы все тянете и тянете ее в разные стороны и будете тянуть, пока не порвете. Однажды это произойдет, и что тогда? Она оглянется, а вас уже нет — как ветром сдуло! Вы мгновенно найдете себе следующую жертву, готов поспорить!

— Эй, ты влюблен в нее, Колин!

Я только простонал.

Надо отдать ему справедливость — Милтон, казалось, был искренне расстроен моими нападками. Он расхаживал взад и вперед по этому прекрасному острову на Темзе, как король Джон,

должно быть, расхаживал семьсот лет назад.

Милтон вкратце пересказал мне всю историю его отношений с Мэрилин. После непродолжительного романа они стали друзьями. Мэрилин была жертвой старой системы, в соответствии с которой актеры попадались в ловушку долгосрочных контрактов и никак не могли от них отделаться, неважно, насколько знаменитыми становились. Кинокомпании навязывали им однотипные роли, безжалостно эксплуатируя их, пользуясь их славой и выжимая из фильмов с их участием все до последнего доллара, тогда как звезда по-прежнему получала крошечную зарплату, на которую подписалась в самом начале. Милтон убедил Мэрилин поднять бунт. Благодаря хитроумным манипуляциям и помощи своего друга и адвоката Ирвина Штейна, Милтон помог Мэрилин расторгнуть контракт с компанией «20-й век Фокс» и договориться о том, что новый контракт — ведь даже Мэрилин, похоже, не могла ничего сделать без контракта — будет заключен на гораздо лучших условиях. С тех пор Мэрилин сама решала, в каких фильмах ей сниматься, и даже задумала снимать кино своими силами. «Принц и хористка» стал первым фильмом компании «Мэрилин Монро продакшнз», в которой Милтон был равноправным партнером.

— Ну, не совсем равноправным, Колин, — признал Милтон. — Пятьдесят один процент ее, и сорок девять — моих. Но, черт побери, сорок девять процентов Мэрилин Монро — это не так уж и плохо, правда?

— Я бы согласился и на один, — сказал я.

Милтон сочувственно улыбнулся.

— В моем случае это все равно что владеть сорока девятью процентами мечты. Это не очень много. Я думаю, ты сейчас и так владеешь одним процентом Мэрилин, и, вероятно, это более ценно, чем мои сорок девять. Вопрос в том, надолго ли?

Милтон внезапно сел на траву и опустил голову на руки.

— Я не уверен, что смогу продолжать, но у меня нет выбора. Каждый пенни, который мне удавалось заработать, я вкладывал в Мэрилин, а она просто-напросто не понимает, что это значит. Я уже почти год оплачиваю все ее расходы — на жилье, на прислугу, на покупки, на врачей. В совокупности выходят тысячи

долларов. «20-й век Фокс» не даст ни доллара, пока она не начнет работать на них снова, поэтому платить приходится мне. Не пойми меня неправильно. Мэрилин не просит много — она просто об этом не думает. На самом деле ее не интересуют деньги. Ее волнует только ее карьера. Но ей нравится быть щедрой, а это недешево. Ведь и Артуру нужны деньги, и Ли Страсбергу нужны деньги, и они оба относятся к Мэрилин, как к банку. Сейчас вот «Уорнер бразерс» вложилась в этот фильм, но стоит мне попытаться вернуть себе хоть что-то, как Мэрилин начинает думать, что я ее обкрадываю. Я уверен, это Артур ее надоумил. Он определенно не на моей стороне, Колин. Он заботится только о себе. Но Мэрилин просто боготворит его!

— Я от Миллера не в восторге, — признался я. — Он кажется мне чересчур самодовольным. Едва ли он любит Мэрилин так, как она думает. И уж явно не так, как она того заслуживает.

— Ты прав. Этот напыщенный индюк ведет себя так, словно ему устроили какой-то жуткий сюрприз. Он должен был понимать, каково это — жить с Мэрилин. Когда он познакомился с ней, она была любовницей Элиа Казана. Общаться они начали, когда она снималась в «Автобусной остановке» Джошуа Логана. Мэрилин говорила с Артуром по телефону часами напролет. Ему нетрудно было понять, как она растеряна, как нервничает во время съемок. Я думаю, он просто хотел быть «человеком, покорившим самую знаменитую женщину в мире». Это принесло ему известность. Он захотел контролировать Мэрилин, а потому стал настраивать ее против меня. А теперь Артур сбежал в свой Париж, а оттуда полетит в Нью-Йорк, словно Мэрилин осточертела ему после каких-то четырех недель. Я предпочел бы, чтобы Мэрилин сбежала с тобой, поверь мне.

— Я тоже. Но этого не произойдет, Милтон, могу тебя заверить. Так что ты можешь расслабиться.

— Пола тоже охотится за ее деньгами... Скорее даже не Пола, а Ли. Пола весьма неуравновешенная дама — а ведь Мэрилин ищет в ней опору. Пола — несостоявшаяся актриса. У нее совершенно нет уверенности в себе. Она вкладывает все свои надежды и страхи в Мэрилин — как типичная еврейская мать. Это только усугубляет чувство незащищенности, которое и без того свойственно Мэрилин, а Ли умело этим пользуется. Он хочет быть великим импресарио, а Мэрилин — его пропуск к славе. Ли требует целое состояние за то, что Пола находится здесь. Он

берет больше остальных. Гораздо больше, чем получаю я. Почему в кинобизнесе все сплошь неудовлетворенные, разочарованные или уставшие от собственного бессилия, но при этом считают, что им должны платить по несколько тысяч долларов в неделю?!

— Я не думаю, что Оливье неудовлетворен или разочарован. Разве что в постели... — добавил я с улыбкой. — И вряд ли он так одержим деньгами.

— Нет, Оливье по сути своей хороший парень. Он просто в неведении. Он не может понять, что творится в голове у Мэрилин. Он относится к ней как к глупенькой блондинке, несмотря на то что видит все ее таланты. Просматривая снятый материал, он понимает, что она хороша, — я бы сказал, даже лучше, чем он. Оливье — актер старой закалки с превосходной репутацией. Мэрилин думала, что, если она сыграет с ним, ее наконец начнут воспринимать всерьез. Вот почему она так стремилась купить права на «Спящего принца» — она знала, что сценарий нравится Оливье. В конечном счете он же поставил «Принца» на сцене, со своей женой. Вообрази только: малышка Мэрилин украла роль у великой Вивьен Ли и почти соблазнила Лоуренса Оливье. Должен признать, первое время я думал, что она с ума сошла, но она добилась своего. Отчасти.

— Бедняжка Мэрилин. Она, должно быть, разочарована. Она не смогла соблазнить Оливье, поэтому оказалась со мной.

— Сейчас ты делаешь ее счастливой, Колин. Но, как я уже сказал, надолго ли? К сожалению, никто не может сделать Мэрилин счастливой надолго.

В час Тони позвал меня обедать, и я распрощался с Милтоном. За столом Тони казался мрачнее тучи, поэтому трапеза была не из приятных. Мне было неловко осознавать, что я ослушался его, ведь я был гостем в его доме, но я не сожалел ни о чем. Оглядываясь в прошлое, я могу сказать, что та суббота была счастливейшим днем в моей жизни.

Понедельник, 17 сентября

В понедельник атмосфера в студии была еще более удручающей, чем обычно. Мэрилин все не появлялась, и когда я позвонил в Парксайд в девять утра, Роджер не смог сказать мне ничего обнадеживающего. Она была еще в постели. Он не знал

почему. Я же был уверен, что она приняла слишком много таблеток. Таким способом Милтон и Пола возвращали себе утраченный контроль. «Они скорее предпочтут прекрасный труп, нежели свободный дух», — сказал я себе, скрежеща зубами от бессилия. Что я мог сделать? Абсолютно ничего. Я исполнил свою миссию и был больше не нужен.

Милтон появился в студии в одиннадцать часов и прямиком отправился на совещание с Оливье. Он выглядел мрачным и уставшим, и я не думаю, что им удалось прийти к какому-то решению.

Я был убежден, что вся съемочная команда считает меня выскочкой, который посмел взлететь слишком высоко и в результате обжег крылышки. Так или иначе, я не переставал думать о том, что могло сейчас происходить в Парк-сайд-Хаусе. Мэрилин определенно была в ужасном замешательстве, вероятно, на грани отчаяния. Я знал, что она любит свою работу и хочет довести съемки до логического окончания. Так что же она делает в Парксайде? Это место напоминало мне тюрьму. Или сумасшедший дом. Нельзя было позволять ей возвращаться туда.

К обеду я разволновался не на шутку.

— Колин и впрямь волнуется!

Дикки Уоттис, казалось, всегда знал, о чем именно я думаю. Он был уже в возрасте — по крайней мере, тогда мне так казалось1, — худой, подтянутый и слишком проницательный.

— Откровенно говоря, мой дорогой, мне было бы до лампочки, даже если бы Мэрилин Монро упала замертво, — проговорил он гнусавым голосом. — Она только осложняет нам, актерам, жизнь. Мы вынуждены по несколько часов ждать ее в этих жарких костюмах!

Дикки носил форму, которая застегивалась до самого горла. Единственное, что ему нравилось, — это белые шелковые чулки и туфли из лакированной кожи.

— Если съемки невозможно закончить, — продолжал он, — страховая компания выплатит нам отступные и мы все наконец поедем домой.

— Она делает все, что в ее силах, Дикки, — сказал я. Было опасно демонстрировать поддержку Мэрилин на этой площадке, но я не мог сдержаться. Слава богу, что никто, по всей видимости, не знал о нашей субботней эскападе. Оливье, должно быть, взял с Тони обещание хранить это в секрете, потому что тот чуть не лопнул накануне вечером — так ему хотелось кому-нибудь рассказать.

— Все дело в людях, которые ее окружают, — вздохнул я. — Роджер говорит, что вчера она была в полном порядке. Они запугали ее до смерти! Из-за них она принимает эти таблетки...

— Она Мэрилин Монро, дорогуша, — хмыкнул Дикки. — Это ее жизнь. Таблетки, алкоголь, секс, публичность. Ах, какая славная жизнь! Я могу только мечтать о такой...

— О, Дикки, как ты можешь говорить такое? Мэрилин правда ужасно запуталась. Как в сценарии этого фильма. Ей не хватает любви.

— Мне тоже, парень, — расхохотался Дикки. — Да у всех такая же проблема! Не волнуйся, Колин. Мэрилин выживет. Она сильнее, чем ты думаешь.

Работа в студии, которая обычно давала мне ощущение собственной значимости и эмоциональный подъем, сегодня казалась неинтересной и безрадостной. Я никак не мог дождаться, когда закончится этот день. В пять часов я опять позвонил Роджеру, но он ясно дал мне понять, что сегодня меня в Парксайде не ждут.

— Извини, сегодня никаких посетителей. Она, похоже, впала в спячку. Мария оставила два подноса с едой у порога ее комнаты, но она к ним не притронулась. Милтон и Пола подолгу говорили с ней через замочную скважину, но дверь по-прежнему заперта. Она там, внутри, это точно. Я только что поднимался проверить и слышал, как она сопит.

— Я начинаю беспокоиться, Роджер. Ты сказал, что вчера все было отлично. Так, может, она заболела? Может, она там умирает! Разве ты не должен вызвать доктора?

— Не я тут распоряжаюсь, Колин. Милтон считает, что с ней все в порядке. Очевидно, такое уже случалось раньше. И ей вряд

ли понравится, если пожарная бригада выломает дверь в спальню. Милтон сказал, нужно дать ей поспать, что я и делаю.

— Но Роджер...

— Не переживай ты так, Колин. Я поднимусь и проверю ее еще раз вечером, обещаю.

Оливье не проявил ни капли сочувствия, когда я зашел в его гримерную по окончании съемок.

— Она самая дурная, капризная и непостоянная баба из всех, кого я знаю! Какого черта она из себя строит? Тони сказал, вы гуляли в субботу. Что пошло не так? Почему она не может явиться на работу? Я не хочу слышать подробности! Мне плевать, что вы делали, хоть любовью занимались! Ты сможешь привезти ее в студию завтра утром? Она собирается закончить работу над этим фильмом или нет?

— Мы с Мэрилин чудесно провели день, мы были на природе, — ответил я. — Но как только мы вернулись, на нее набросилась Пола и напугала до полусмерти, а потом Мэрилин приняла эти таблетки. Это был своего рода способ вернуть себе контроль над ситуацией. Я полагаю, Милтон и Пола решили, что я могу им навредить, подорвать их влияние. Теперь они не позволяют мне приближаться к ней, даже говорить с ней. Я сомневаюсь, что она приедет завтра, но знаю одно: она решительно настроена снять фильм. Она сама заявила мне об этом со всей серьезностью. На самом деле это было единственное, что она сказала о работе за весь день. В остальном она просто решила устроить себе выходной...

— С тобой, — добавил Оливье ворчливо.

— ...я просто был недалеко, и она взяла меня с собой.

— Ну, так значит, если ты вдруг опять окажешься «недалеко», попытайся убедить ее прийти на работу. Она хочет, чтобы ее считали профессиональной актрисой. Она никогда ею не станет, это очевидно, но если она появится в студии, это уже будет первый шаг.

Ужин с Тони и Энн в тот вечер был еще более унылым, чем обычно. Оливье, очевидно, просил Тони не злиться на меня, но я

уверен, что сильно его разочаровал. К тому же Тони — как обычно — никак не мог понять, что происходит.

Я поднялся к себе в спальню. Роджер так и не звонил, а я не осмелился говорить с ним по телефону в коридоре, где Тони бросал бы на меня мрачные взгляды, а Энн — ловила бы каждое мое слово. Должно быть, в конце концов я отключился, потому что, когда я услышал шуршание шин по гравийной дорожке, часы показывали полвторого ночи. Затем я услышал голос Милтона.

— Колин! — Он стоял на газоне и размахивал фонарем. — Колин!

Я открыл окно как можно тише и осторожнее. Тони обычно пушкой не разбудишь, но Энн спала очень чутко.

— В чем дело?

— Мэрилин...

В середине ночи все обретает драматический оттенок.

— Она умерла?

— Нет, господи упаси, но ей плохо. Она сказала, что хочет видеть тебя прямо сейчас. Одевайся и спускайся. Она уже, может быть, в коме.

В его словах явно было какое-то противоречие.

— Что я могу сделать?

— Не знаю, — сказал Милтон, — но попытаться стоит. В ином случае мне придется вызвать врача. Поторопись!

Врача! О боже! Я натянул брюки и свитер и как можно бесшумнее прокрался в холл. Я не решился зажечь свет и в спешке несколько раз чуть не убился на скользких дубовых ступенях. Я боялся даже представить, что скажет Тони, если поймает меня.

Милтон ждал меня в машине с выключенными фарами.

— Садись, — торопил он. — Нельзя терять ни минуты.

— Ни за что. Я не хочу опять оказаться отрезанным от мира, — возразил я. — Я поеду на своей машине.

Когда мы добрались до Парксайд-Хауса, там царила суматоха. Все бегали в ночных пижамах и одеялах, словно во время налета вражеской авиации. Пола кудахтала как курица, у Хедды были совершенно ошалевшие глаза, а Роджер хранил мрачный вид.

— Я думаю, придется выломать дверь, — произнес он несколько торжественно.

Роджер явно опасался худшего.

— Еще не время, — раздраженно бросил Милтон.

Новая дверь стоила денег, к тому же, если бы мы вломились в спальню, это вконец расстроило бы Мэрилин. На заднем плане топталась Мария. «Наверняка напишет заявление об увольнении, — подумал я, — особенно если мы выломаем дверь».

— Колин должен немедленно подняться, — сказала Пола. — В конце концов, она же позвала его.

— Это было час назад, — угрюмо заметил Роджер, — и с тех пор мы не слышали ни звука.

— Вероятно, она просто крепко спит, — сказал я, — и я сомневаюсь, что она хочет, чтобы ее будили. Но если это единственный способ сделать так, чтобы все успокоились и вернулись в свои кровати, то я попытаюсь.

Мы ровным строем поднялись по лестнице и попали в тот самый коридор, где я впервые увидел Мэрилин, когда она сидела на полу. Мне казалось, это было очень давно.

Я подкрался к двери спальни. Тук-тук-тук.

— Мэрилин? Это я. Ты не спишь?

Тишина.

Тук. Тук. Тук.

— Мэрилин. Проснись! — Я не знал, какую назвать причину. Почему она должна была проснуться среди ночи? — Это Колин. Я приехал проверить, все ли с тобой в порядке.

Тишина.

— Думаю, нужно выломать дверь, — бедняга Роджер не знал, куда себя деть. Он бы, наверное, предпочел сейчас находиться на задании, — по крайней мере тогда он был бы в своей стихии.

— Сейчас два часа ночи, — возразил я. — Разве Мэрилин обычно не спит в такой час?

— Но она спала целый день, — сказала Пола.

Никто не смел сказать об этом вслух, но все, очевидно, думали, что Мэрилин приняла больше таблеток, чем допустимо.

— Давайте спустимся в холл, — предложил я. — Я прошу всех подождать меня там. Роджер, пойдем во двор, возьми с собой фонарь.

К этому моменту все были настолько изможденны, что не стали возражать.

— Я видел в гараже длинную лестницу, Роджер, — сказал я. — Сейчас довольно тепло, поэтому окно спальни, вероятно, открыто. Я влезу наверх и посмотрю, что там делается, прежде чем мы примем какие-то решительные меры.

Мы отыскали лестницу, и Роджер указал мне окно спальни Мэрилин. Оно было приоткрыто, как я и предполагал.

— Как только я окажусь внутри, убери лестницу — я не хочу, чтобы Мэрилин знала, каким образом я к ней попал. Она должна думать, что дверь была плохо заперта, или я останусь без работы. На самом деле я берусь за это рискованное предприятие только для того, чтобы успокоить всех этих истеричных дамочек. (Роджер, похоже, не понял, что и он входит в их число.) Затем подойди к двери в спальню Мэрилин — один, прошу тебя, — и жди молча, пока я не открою ее изнутри. Остальные должны оставаться в холле. Я не позволю всей этой толпе вломиться в спальню и потревожить ее. Особенно Милтону. Он только и

умеет, что таблетки подсовывать.

Роджер держал лестницу, пока я карабкался вверх. Затем я осторожно поднял створку широкого окна и влез внутрь.

— Иди! — шепнул я Роджеру сверху, как только благополучно оказался в спальне, и закрыл окно.

Как и все великие красотки, леди Мур, владелица дома, повесила в спальне темные занавеси в пару сантиметров толщиной, и комната была погружена в кромешный мрак. Я долго возился, прежде чем нашел нужный шнурок и впустил в комнату немного лунного света. Моим глазам потребовалась минута, чтобы привыкнуть к полутьме; наконец я различил очертания огромной двуспальной кровати у дальней стены. Я также видел три двери, но за какой из них ждал Роджер, а какие вели в ванную и туалетную комнаты, понятия не имел.

— Мэрилин, — прошептал я. — Это Колин.

Я не хотел, чтобы она проснулась и подумала, что ее вот-вот изнасилует какой-то безумный поклонник (или я, если уж на то пошло).

— Мэрилин, это я. Проснись.

Я приблизился к кровати, обо что-то споткнулся и тяжело опустился на уголок матраса.

Услышав ровное дыхание Мэрилин, я испытал невероятное облегчение. Кроме того, от нее исходил чудесный теплый аромат. Я протянул руку и похлопал по кровати, но не рассчитал и коснулся кожи Мэрилин. Она, по всей видимости, лежала поперек кровати на животе.

— М-м-м... — услышал я.

— Извини. Это Колин. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— Привет, Колин. Я знала, что ты придешь. Залезай.

— Мэрилин, все в доме ужасно обеспокоены. Ты не отзываешься, когда стучат в дверь, и они подумали, что ты

заболела.

— О, чушь какая, — сонно пробормотала Мэрилин. — Залезай.

— Подожди, — сказал я.

Я поднялся и подошел к первой двери. Она открылась — значит, это была не та дверь. Следующая дверь открылась так же легко. Третья дверь была заперта, но ключа в ней не оказалось.

— Роджер, — прошипел я в замочную скважину, — ты там?

— Что происходит? С мисс Монро все в порядке? Почему ты не открываешь?

— Я не могу найти ключ. С Мэрилин все хорошо. Она просто спит.

— Откуда ты знаешь? Может, она в обмороке! Включи свет. Нет, лучше впусти меня!

«Ты, наверное, шутишь», — подумал я.

— Ключа нет. Мэрилин проснулась и поздоровалась со мной. Она в полном порядке. Скажи всем, чтобы ложились спать и оставили ее, наконец, в покое! Они не должны приходить сюда, пока их не позовут. Я останусь здесь до утра. Прилягу на диване. Мэрилин попросила меня остаться, так что я остаюсь. Я не брошу ее на растерзание этим хищникам. Иди, Роджер. Увидимся за завтраком.

Роджер недовольно фыркнул. Разумеется: он же должен был защищать Мэрилин!

— Иди же, Роджер. Спокойной ночи.

К тому моменту как я вернулся к постели Мэрилин, она опять заснула, и на этот раз мои осторожные похлопывания не разбудили ее. Я сел на постель и внезапно почувствовал невероятную усталость. Что я вообще тут делаю? Естественно, я не собирался злоупотреблять доверием спящей Мэрилин Монро, но половина гигантской кровати пустовала, а мои веки отяжелели, и глаза закрывались. Если я немного вздремну, потом,

на свежую голову, мне будет легче решить, что делать. Я осторожно прилег на сатиновые простыни и мгновенно уснул.

— О! Колин! Что ты здесь делаешь?

Я медленно приоткрыл глаза и обнаружил, что лежу лицом вниз на очень мягком и приятно пахнущем стеганом пуховом одеяле.

— Что я здесь делаю? — переспросил я в недоумении, повернул голову и застыл.

Мэрилин сидела в дальнем углу кровати, поджав ноги и завернувшись в то самое розовое покрывало, которое я уже видел тогда, в коридоре. На столике рядом с кроватью горела маленькая лампа.

— Колин? Сейчас ведь середина ночи, да? Как ты сюда попал? Я думала, что заперла дверь.

Она не выглядела напуганной, скорее, немного невменяемой, полагаю, как и я сам.

— О, мисс Монро, — заговорил я (Мэрилин нахмурилась), путаясь в одеяле и пытаясь усесться на чересчур мягком матрасе. — О, Мэрилин, мне так жаль, что я тебя побеспокоил. Видишь ли, Милтон, Пола и Роджер ужасно встревожились, они решили, что ты больна. Ты не отвечала, когда они звали тебя. — Я не стал говорить ей об их зловещих предположениях. — Они слышали, как ты позвала меня по имени...

— Это во сне, наверное... — смущенно произнесла Мэрилин.

— Поэтому они попросили меня помочь, и я влез сюда через окно, — добавил я запинаясь.

— Окно? — Мэрилин выглядела озадаченной. — Окно? Там что, есть балкон? Эй, это же как у Шекспира, да? Как в «Ромео и Джульетте»! Очень романтично! Но я не больна. С чего они это взяли?

— Понятия не имею, Мэрилин. Если тебя интересует мое мнение, то я считаю, что они слишком над тобой трясутся. По мне, так с тобой все в полном порядке.

Мэрилин устало улыбнулась и медленно закрыла глаза.

«Мне пора», — подумал я, но в этом и заключалась проблема. Единственная дверь, связывающая эту комнату с внешним миром, была плотно заперта. Мне показалось, что будет, мягко говоря, невежливо перерыть здесь все в поисках ключа, как будто я пытаюсь спастись бегством. И как я вообще оказался в этой безумной ситуации? Я заперт в спальне самой прекрасной женщины в мире и ничего не могу с этим сделать! Я проклинал свою тупость, ругал себя за то, что позволил этим паникерам киношникам ввести меня в заблуждение.

Мэрилин не спала.

— Я в порядке, Колин, особенно когда я с тобой. Но с докторами я, пожалуй, встречаюсь и впрямь слишком часто. — Ее голос был полусонным и задумчивым, словно она говорила сама с собой. — По большей части, с психоаналитиками. Они постоянно твердят, что мне нужно заглянуть в свое прошлое.

— Прошлое, Мэрилин? У тебя действительно было такое ужасное детство?

Мэрилин подняла глаза к потолку; она, казалось, была не способна сфокусировать взгляд.

— Не то чтобы ужасное, Колин. Никто не бил меня, как тебя. Просто люди, казалось, не задерживались рядом со мной. Понимаешь, о чем я?

— Я не думаю, что нужно копаться в прошлом, Мэрилин. — Постель казалась слишком широкой для такого интимного разговора. Я пододвинулся к ней, рискуя совершить кувырок. — Лучше смотреть в будущее. Что произойдет дальше? Это самое главное, не правда ли?

— Ты имеешь в виду, между нами?

— О нет, Мэрилин... — Я поспешно отодвинулся. — Я не имел в виду это... Я хочу сказать... я говорю о... будущем.

Повисла очередная пауза. Затем Мэрилин сама вдруг придвинулась ко мне.

— Ты меня любишь, Колин?

Как так получалось, что эта прекрасная женщина смогла полностью вывести меня из равновесия как раз тогда, когда я думал, что спокоен, благоразумен и держу все под контролем? Когда Мэрилин смотрела мне прямо в глаза, мне казалось, что я теряю связь с реальностью. Я определенно был во власти очень сильных эмоций, но было ли это любовью? И какого рода любовью? Любовь-страсть? Любовь-секс? Любовь-романтика? Любовь-брак? Я не знал, на каком языке мы говорим.

— Да, я люблю тебя, Мэрилин. Но я люблю тебя, как люблю ветер, или волны, или землю под своими ногами, или солнце, которое выходит из-за облака. Я не знаю, как это — любить тебя как человека. Если бы я любил тебя как человека, тогда я захотел бы, чтобы ты принадлежала мне. Но это невозможно. Я не могу даже мечтать об этом. Вероятно, ни один мужчина не может об этом мечтать. Ты как сила природы, Мэрилин, недоступна для других.

— Но, Колин, я не хочу быть недоступной. Я хочу, чтобы ко мне прикасались. Хочу, чтобы меня обнимали сильные мужские руки... Чтобы меня любили как обычную девушку, в обычной постели. Что в этом плохого?

— Ничего, Мэрилин. Просто в твоей жизни все иначе. Ты богиня для миллионов людей. Как древнегреческая богиня, ты можешь время от времени спускаться с небес, но навсегда останешься вне досягаемости для простых людей.

— Я не гречанка, — произнесла Мэрилин в некотором замешательстве.

— Не расстраивайся. Богиня — это же чудесно! Ты — особенная, и что бы ни говорили все эти твои ужасные учителя и психоаналитики, ты добилась всего сама и должна этим гордиться.

Мэрилин вздохнула.

— Вся съемочная команда, — продолжал я, — зависит от твоего каприза. Великие актеры и актрисы ждут твоего сигнала. Тысячи фанатов во всем мире смеются, когда смеешься ты, и

плачут, когда ты плачешь. Разумеется, это очень большая ответственность. Разумеется, ты чувствуешь огромное давление. Все богини это чувствуют. Но ты не можешь что-то изменить, не можешь стать другой.

Мэрилин придвинулась ближе.

— Иногда я чувствую себя ребенком, заблудившимся во время грозы. Где мне спрятаться?

— Ты не заблудилась в грозу, Мэрилин. Ты и есть гроза! Тебе не нужно искать, где спрятаться. Настоящие богини обладают сокрушительной силой! Пусть другие думают, где им спрятаться!

— О, Колин, ты такой забавный, — Мэрилин наконец-то заулыбалась. — Но я еще и человек...

— Конечно, Мэрилин, — мягко ответил я. — Ты человек, и притом чудесный. И у тебя есть мистер Миллер, который позаботится об этом чудесном человеке. У каждой богини должен быть храбрый и красивый бог, который мог бы о ней позаботиться и напомнить ей, что она еще и женщина. С минуты на минуту он явится к тебе из облаков, и ему не понравится, если он найдет на своем законном месте какого-то шута. Скорее всего, он поразит меня ударом грома.

— Я не позволю ему обидеть тебя.

Я не мог не усмехнуться.

— Позволишь, Мэрилин. И сама меня обидишь. Но это того стоит.

Мэрилин вздохнула и закрыла глаза. Она выглядела очень уставшей. Я понимал, что сейчас же должен на цыпочках выйти из спальни и дать ей поспать, но, похоже, забыл, как пользоваться ногами. Я сидел и смотрел на эту потрясающую девушку, которая казалась такой невинной, но в то же время обладала огромной силой.

— Колин, — прошептала она. — Я должна сказать тебе кое-что. Во мне есть нечто безобразное. Думаю, это оттого, что я слишком амбициозна. Знаешь, я часто поступала плохо, вела себя эгоистично. Я спала с огромным количеством мужчин... И

изменяла своим любовникам столько раз, что все и не припомню. Секс почему-то не имел для меня особенного значения, когда я была подростком. Но теперь я хочу, чтобы меня уважали, чтобы мне были верны, но этого не происходит. Я хочу найти кого-то, кто будет любить меня целиком — и чудовище, и красавицу... Но люди видят во мне этот блеск и влюбляются в него, а потом, когда узнают меня поближе, убегают. Это и сделал Артур. Прежде чем улететь в Париж, он написал в своем блокноте, что разочарован во мне. Блокнот лежал раскрытым у него на столе. Думаю, он намеренно оставил его — чтобы я увидела. А затем появился ты, и мы так чудесно провели время, и теперь я совершенно растеряна. Почему жизнь такая сложная, Колин? Артур говорит, что я мало думаю, но мне кажется, будто я счастлива, только когда не думаю.

— Я не буду жалеть тебя. Не буду говорить «бедняжка Мэрилин». У тебя есть таланты и преимущества, о которых другие могут только мечтать. Но нет никого, кто научил бы тебя ими пользоваться. Как и всем амбициозным людям, тебе все время нужно расти — как актрисе и как личности. А это, без сомнения, болезненно. Боли роста — так их, по-моему, называют. Но ты же не хочешь бездействовать. Ты не можешь просто сидеть и думать: «Я Мэрилин Монро, и мне достаточно сниматься в тупых голливудских фильмах». Если бы ты так думала, ты бы никогда здесь не оказалась. Ты бы не вышла замуж за известного писателя, не прочитала бы «Братьев Карамазовых» и не согласилась бы играть с Лоуренсом Оливье. Ты бы разъезжала на розовом «кадиллаке» по Беверли-Хиллз, обедала со своим агентом и считала деньги в банке.

Мэрилин широко распахнула глаза.

— Но что заставляет меня всегда желать большего, Колин? Может, я слишком жадная? Вероятно, это потому, что в юности у меня всегда чего-то недоставало...

Она снова вздохнула.

— Я никогда по-настоящему не знала свою мать и отца. Я росла по большей части в чужих семьях, но у меня была одна тетушка по имени Грейс, которая иногда обо мне заботилась. Она внушала мне, что я могу стать великой актрисой. «Норма Джин, — бывало говорила она, — однажды ты будешь так же знаменита, как Джин Харлоу» — и отводила меня в салон красоты, где мне

делали красивую прическу. Она тоже работала в кино, поэтому я верила ей.

В одной из школ, куда я ходила, другие дети называли меня «мышкой», потому что я была неприметной и плохо одетой. Волосы у меня тогда были каштановые. Я до сих пор иногда чувствую себя мышкой... мышкой, которая живет в теле кинозвезды. Но затем у меня начала расти грудь, и я покрасила волосы в белый цвет. Один парень меня сфотографировал, и все мальчишки стали бегать за мной, пытаясь затащить в постель. Разумеется, мне это нравилось... У меня каждый месяц были ужасные боли, и до сих пор так: раньше мне казалось, это Бог наказывает меня за то, что я узнала секс так рано.

Я вышла замуж, когда мне было шестнадцать. Бедный Джимми! Он вообще не хотел жениться. Он сделал это, чтобы оказать мне услугу. Иначе мне пришлось бы вернуться в приют для сирот. Грейс не могла больше обо мне заботиться. А я думала, что если выйду замуж, то стану кем-то. Буду ухаживать за мужем и домом...

Но все получилось совсем иначе. Через несколько месяцев Джим почти перестал возвращаться домой по вечерам, а когда он приходил, нам было не о чем говорить. Затем он ушел на войну, а я начала работать моделью. Большинство браков в конечном счете разваливаются, не так ли, Колин? Мои все рушились. И я довольно часто изменяла. Например, мне почему-то казалось естественным спать с фотографами. Я всегда так делала. Словно вознаграждала их за то, что они делали прекрасные снимки. Но мне нравилось быть моделью. Это все равно что разыгрывать сценку. Я очень старалась, и у меня неплохо получалось. Когда Джимми вернулся, он просто не смог все это вынести. Мы развелись в Лас-Вегасе, почти в то же самое время, когда состоялись мои первые пробы в кино. Это было здорово. Мне так нравилось ходить перед кинокамерами. Мне казалось, что я на своем месте. Но, боже мой, в мире кино столько мужчин — и все они думают, что ты должна с ними переспать...

— И ты спала, Мэрилин?

— Спала. И часто. Слишком часто. Тогда я не считала это неправильным. Я была просто глупым подростком. Но сейчас мне очень не по себе. Я чувствую свою вину.

— Понимаю, Мэрилин. Но ты не должна чувствовать вину за прошлое. Я уверен, что Артур все понимает.

— Джо вот не понимал... Ему все это совсем не нравилось. Да, он женился на мне, но так и не простил меня за то, что я делала до встречи с ним. Это же несправедливо, разве нет?

— Ты имеешь в виду Джо Димаджио?

— Да. Он был замечательным. Таким сильным и уверенным в себе. Я пыталась быть ему хорошей женой, но когда у меня дела пошли в гору, он не смог это вынести. Он ведь раньше был так знаменит... Джо ревновал меня ко всем. Я просто не могла стать такой, какой он хотел меня видеть. Затем появился Артур, и он показался мне совсем другим. Артур всегда отличался от остальных. Он даже не стал спать со мной на первом свидании. Он относился ко мне как к личности. Он всегда поступал очень мудро и говорил не много — как и Джо, — но я понимала, как он умен, просто посмотрев на него. И он был так сексуален... Я действительно влюбилась в Артура и по-прежнему это чувствую. Но теперь мне кажется, будто я его подвела. Должно быть, подвела, иначе он не сбежал бы, правда, Колин?

— Ты и сама знаешь, что вы с Артуром не похожи на типичную парочку в разгар медового месяца, — заметил я. — Ты находишься под невероятным прессингом — ты должна блестяще сыграть роль в очень сложном фильме. Тебе нужно полностью выложиться, нравится тебе это или нет. У тебя над душой круглые сутки стоят Милтон и Пола. Я не думаю, что Артур представлял, через что вам обоим придется пройти. Он сбежал от всего этого проклятого шоу-бизнеса, а не от тебя.

Мэрилин выглядела такой несчастной, что я не смог удержаться и взял ее за руку. Она, казалось, не сразу это заметила, но потом вдруг сжала ее со всей силой.

— Ты так думаешь, Колин? Ты, правда, так думаешь?

— Конечно. На самом деле я знаю это наверняка. Он сказал Оливье, что ему нужно отдохнуть от всего этого бедлама, связанного со съемками. Он не говорил, что ему нужно отдохнуть от тебя.

— Но я видела эту запись на его столе... В ней говорилось,

что я не ангел, которым он прежде меня считал. Из этого следует, что он во мне разочарован.

— Артур едва ли думал, что женится на ангеле, или он просто псих. Ему нужна была фантазия или реальная женщина из плоти и крови? Он знал, что ты самая знаменитая кинозвезда в мире. Он что, думал, что ты стала такой, упав с неба? Разумеется, нет. Ты же говоришь, что Артур писатель. Он просто записывает разные случайные мысли, которые приходят ему в голову. Я видел, как он на тебя смотрит. Он понимает тебя. Он гордится тобой. Он обожает тебя. Просто он не представлял — никто не представлял, — сколько труда может быть сопряжено со съемками такого фильма...

Голос Мэрилин был едва ли громче шепота.

— Значит, ты не думаешь, что он меня бросит? Ты думаешь, он вернется?

— Я в этом уверен. А теперь мне пора идти, а тебе — спать.

— О, не уходи, Колин. Я не вынесу, если еще и ты уйдешь.

Мэрилин смотрела на меня широко открытыми глазами и держала мою руку так крепко, словно от этого зависела ее жизнь.

— Пожалуйста, останься, Колин.

— Хорошо, я останусь. При одном условии — что ты приедешь в студию вовремя завтра утром. Это всех удивит. Это покажет им всем, из чего ты сделана. Это докажет им, что ты великая, великая актриса. Потому что ты можешь подняться над обстоятельствами и сыграть так, как не играла никогда!

— О, Колин... Все не так просто, как ты говоришь.

— Ты сделаешь это, Мэрилин? Хотя бы один раз? Не для меня — для себя. Мы не предупредим ни Полу, ни Милтона — никого. Мы просто поедем. Я поставлю будильник на семь утра. Значит, у нас останется еще четыре часа на сон.

Мэрилин захихикала.

— Четыре часа! А мы займемся любовью, Колин? На это у нас

время останется?

— Мэрилин, — сказал я строго, — мы не будем заниматься любовью, хорошо? Хватит и того, что я здесь. Ты должна будешь сказать своему мужу, что мы и не помышляли о сексе, — это даже не приходило тебе в голову. Ты должна быть в состоянии сказать ему это, положа руку на сердце. Иначе он точно оставит тебя навсегда. А ты этого не хочешь.

Мэрилин вздохнула.

— Не хочу...

Я сжал ее руку.

— Из чистого любопытства, а ты бы хотела заняться любовью?

— Наверное...

— Я тоже. Но теперь мы должны спать.

— Знаешь что, мы обнимемся.

— Обнимемся?

— Да, я так делала с Джонни — Джонни Хайдом, — когда он болел. Раздевайся и забирайся в постель, Колин. Теперь ложись прямо, лицом к краю. Как хорошо, что ты такой же худой, как Джонни!

Мэрилин выключила свет и легла сзади. Я почувствовал тепло ее дыхания на своей шее. «Дело принимает опасный оборот», — подумал я. Но Мэрилин явно получала удовольствие — она все держала под контролем.

— Теперь согни немного ноги в коленях, Колин, и наклонись вперед.

Я сделал, как она сказала, а она повторила мои движения, прильнув ко мне всем телом.

— Видишь? — прошептала она. — Как ложки!

Я наконец выдохнул.

— Спокойной ночи. Спи сладко.

— М-м-м, — отозвалась Мэрилин. — Так здорово... Непременно.

Примечания

1. Ему было сорок три.

Вторник, 18 сентября

Первые две минуты я чувствовал себя настолько великолепно, что даже не думал засыпать. Следующее, что я помню, это то, как зазвонил будильник по другую сторону постели. Лучи утреннего солнца врывались в комнату. К моему удивлению, я услышал доносившиеся из ванной всплески воды и пение.

I found a dream, I laid in your arms the whole
night through,
I'm yours, no matter what others may say or
do...1

Мэрилин напевала чудесный маленький вальс, написанный Ричардом Эддинселлом к фильму «Принц и хористка», — вальс «Спящего принца». «Ага! Значит, может подняться рано, если захочет», — подумал я.

Пока я переползал на другую половину постели, чтобы отключить будильник, меня осенило: ведь я мог попасть в серьезную переделку! Я провел ночь в постели с чужой женой, а в доме было пять свидетелей. Я поднял свои серые фланелевые штаны с пола и пошел в туалетную комнату. По крайней мере, там был диван, пусть и довольно короткий. Я вернулся в спальню, взял две подушки и модное розовое покрывало и разбросал их на диване в тщательном беспорядке, чтобы все выглядело так, словно я провел ночь именно здесь. «Только Мария увидит это», — подумал я. Значит, я должен сделать так, чтобы ей это бросилось в глаза. Позднее мне может понадобиться, чтобы она выступила в мою защиту. Я поставил пепельницу и стакан на пол у дивана, а рядом положил стопку книг.

— Мэрилин! — позвал я. — Я еду в студию. Увидимся там. Хорошо?

Мэрилин вышла из ванной в белом халате.

— О, Колин, ты выглядишь слегка растрепанным. Что скажет сэр Лоуренс, когда увидит тебя? Я спала просто великолепно. Я действительно покажу ему сегодня все, на что способна. Подожди минуту, я дам тебе ключ, иначе бегство не удастся!

Рассмеявшись, она направилась к своему туалетному столику.

— Вот, держи. Скажи Роджеру, что я спущусь через десять минут. Увидимся.

Было уже без четверти семь.

— Пока, Мэрилин. Ты — звезда!

Я помчался вниз по лестнице и в холле едва не врезался в Роджера.

— Мисс Монро выезжает через десять минут, — выдохнул я.

Роджер нахмурился.

— Не волнуйся, Роджер. Она чувствует себя отлично.

— Держу пари, что это так...

— Не торопись с выводами. Я спал на диване в туалетной комнате. Увидимся в студии. И пожалуйста, сделай веселое лицо. Иначе она опять растеряет все свое самообладание.

Выезжая с аллеи, я весело окликнул водителя Мэрилин:

— Доброе утро, Эванс!

Я умудрился ворваться в студию ровно за минуту до того, как коричневый «бентли» сэра Лоуренса подкатил к крылу, в котором помещались гримерные.

— Доброе утро, парень! Гример готов?

— Сейчас проверю, сэр Лоуренс.

Оливье остановился и пригляделся ко мне повнимательнее.

— Ты выглядишь каким-то взлохмаченным. Все нормально?

— Все отлично, сэр Лоуренс.

— Хорошо. Ну, дай мне знать, когда появится Мэрилин. Если она вообще появится. Ты сам как думаешь?

— О, я думаю, она приедет.

Оливье посмотрел на меня испытующим взглядом.

— Я надеюсь, — добавил я.

С Мэрилин ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов.

— Давно пора, — бросил сэр Лоуренс, вошел в гримерную и захлопнул за собой дверь.

Я отправился на поиски его гримера. Через десять минут, к моему громадному облегчению, я увидел автомобиль Мэрилин. За рулем, как и всегда, был безучастный ко всему Эванс. Из машины вышел Роджер, затем Пола. За ней появилась Мэрилин.

— Доброе утро, Колин.

— Доброе утро, мисс Монро. Чудесный день! — я не мог не улыбнуться.

— Да, не правда ли, Колин? — и она улыбнулась мне в ответ, что явно обеспокоило Полу и Роджера.

— Гример ждет, — добавил я. — Я вернусь через час.

— Хорошо. Увидимся.

Я ворвался в гримерную Оливье, сияя от гордости.

— Мисс Монро приехала, сэр Лоуренс. С ней сейчас работает гример.

— Что? В семь часов пятнадцать минут?! Даже почти не опоздала! Какого черта с ней случилось? Колин, ты приложил к этому руку?

Оливье посмотрел на меня строго, а затем вдруг расхохотался.

— Так ты провел с ней ночь, да? Неудивительно, что ты выглядишь таким растрепанным. О господи! Что я скажу Кей и Джейн [моим родителям]?

— Между нами не было ничего предосудительного, честное слово.

— Да мне все равно, что между вами было, а чего не было. По крайней мере, ты заставил ее явиться вовремя. Только это имеет значение. Итак, давай успокоимся и постараемся снять фильм. Ты молодец, но на твоем месте я бы пошел в костюмерную и постарался привести себя в порядок. И, возможно, загримироваться. И принять душ. Ты же не хочешь, чтобы об этом узнали все в студии, а?

Один за другим в студию приезжали остальные члены съемочной команды, и все чуть ли не падали от удивления: «Мэрилин!», «Уже здесь?», «Не могу поверить!», «Такое с ней впервые!» и тому подобное. Площадку подготовили вдвое быстрее, чем обычно. Дэвид Ортон гонял меня по полной программе, и я совсем забыл о Мэрилин, пока через два часа ее костюмерша не подошла ко мне.

— Мисс Монро хочет вам что-то сказать, Колин.

Дэвид простонал:

— Только не говорите, что она еще не готова...

— О, она готова, мистер Ортон, — сказала костюмерша. — Просто хочет вначале переговорить с Колином.

— О, вот как? Колин взял на себя работу Полы? — Дэвид театрально закатил глаза. — Господи, что я сотворил, чем я заслужил такого помощника?

Когда я вошел в гримерную Мэрилин, она была уже

полностью одета и совершенно ослепительна.

— Колин, я немного нервничаю, — сказала она и схватила меня за руку.

— Мэрилин, дорогая, — мне было все равно, слышит меня Пола или нет. — Думай о будущем. Ты и есть будущее. Ну, пойдем на площадку, покажи этим старым простофилям, на что ты способна!

День был просто чудесный. Я смотрел только на Мэрилин, хотя и не говорил с ней больше. К моему облегчению, команда меня просто игнорировала. Будто моя новая роль сделала меня кем-то другим, возвысила, вывела на новый уровень. Пола суетилась как обычно, но Мэрилин, казалось, поднялась над ней, словно лебедь, плывущий через тростник. Она помнила свои реплики, не пропускала сигналов и ослепительно улыбалась другим актерам на площадке. Когда Оливье подошел к ней, чтобы дать какие-то указания, она посмотрела ему в глаза и воскликнула: «Боже! Ну конечно!» — вместо того чтобы растерянно повернуться к Поле в поисках поддержки.

Только когда она вернулась в гримерную в конце дня, я улучил минуту и заглянул к ней.

— Ты была просто ослепительна! Ты это сделала! Ты им показала!

— О, я была так напугана... Ты приедешь сегодня вечером? Пожалуйста! Приезжай после ужина. Сначала мне нужно немного поработать с Полой. Нужно выучить слова...

Лед под моими ногами был призрачно тонок, но я не мог устоять перед взглядом этих огромных глаз.

— Хорошо, я приеду. Но на этот раз у меня нет предлога, чтобы остаться на ночь.

— Увидимся позже, Колин.

— До свидания, Мэрилин.

Тони и Энн выглядели слегка ошеломленными, когда я появился в Раннимед-Хаус. К этому моменту им уже было

известно, где я провел прошлую ночь, и они, похоже, не ожидали увидеть меня снова. Будто Мэрилин могла проглотить меня, как гигантская змея!

Энн казалась довольно расстроенной, но Тони просто сыпал комплиментами и поздравлениями.

— Я не знаю, как ты это сделал, Колин, но Лоуренс, — Тони был единственным человеком на свете, который называл Оливье просто «Лоуренсом», — был в полном восторге. Такими темпами мы очень скоро закончим съемки. Что же ты сделал? Думаешь, теперь так будет всегда?

— Не стал бы утверждать...

— Я думаю, мы все догадываемся, что сделал Колин, — язвительно заметила Энн. — Вопрос в другом: что будет дальше? И что скажет мистер Миллер, когда вернется?

— У нас с Мэрилин не роман, — устало протянул я.

— Ну, разумеется, нет, — грубовато-добродушно сказал Тони. — Вы просто хорошие друзья, так? В любом случае, ты для нее слишком уж молод.

— И слишком наивен, — добавила Энн. — Значит, сегодня ты ночуешь здесь?

— Ну да, думаю, да. Но не уверен. Мне нужно съездить в Паркcайд после ужина и убедиться в том, что с Мэрилин все в порядке. Она настаивала на этом. Но к ночи я вернусь сюда — если, конечно, смогу.

— Ясно, — сказала Энн, кивнув.

Когда я приехал в Парксайд, Роджер прохаживался по двору перед домом: очевидно, дожидался меня, чтобы что-то сообщить. Я припарковался, и он подошел ко мне, постукивая тростью по ботинку.

— Мисс Монро очень расстроена. Она сейчас с Полой. Я оставил их и вышел посмотреть, ты ли это.

— О, ради всего святого, что опять случилось? Колин, да ты

панацея от всех бед! Все же было просто отлично сегодня! Оливье был счастлив, она казалась счастливой. Словно солнце вышло из-за облаков!

— Ты же не думал, что они позволят тебе забрать у них бразды правления?

— Да я и не хочу их забирать! Она же не компания, в конце концов! Она человек. Я просто хочу помочь!

— Когда-нибудь ты поймешь, что она все-таки компания. «Мэрилин Монро продакшнз». Именно эта компания, кстати, платит мне зарплату. И Милтон Грин здесь тоже был, около часа. Он что-то замышляет, это точно. Но я не думаю, что он все расскажет мистеру Миллеру. Для него мистер Миллер представляет куда большую угрозу, чем ты.

— Оно и понятно. Мистер Миллер — ее муж. А я — не более чем мимолетная прихоть. Все в киноиндустрии разводят слишком большую шумиху из-за того, что происходит в данный момент. Никто не смотрит в перспективу! Удивительно, что фильмы вообще выходят на экраны!

— Если наш выйдет, это определенно будет чудо.

Мы с Роджером прошли в кухню и стали ждать. «Бедная девочка», — подумал я. Я готов был поспорить, что Пола опять сбивает Мэрилин с толку. Но с другой стороны, если бы она этого не делала, она потеряла бы работу, так же как и все остальные.

Уже начинало темнеть, когда наконец появилась Пола.

— Здравствуй, Колин. Поднимись к ней прямо сейчас. Но не задерживайся надолго. Она устала и не очень хорошо себя чувствует.

Когда я вошел в спальню, Мэрилин лежала на кровати и в полумраке казалась чрезвычайно хрупкой.

— О, Колин, мне так плохо...

— Что же тебя расстроило?

— Пола говорит, что сэр Лоуренс орал на нее. Он сказал ей,

что я не умею играть и никогда не стану настоящей актрисой. Перед съемочной командой. Перед всей съемочной командой.

— Сегодня? Оливье сказал это сегодня? Но я же был там все время!

Просто уму непостижимо! Я не мог поверить, что Оливье стал бы говорить такое, особенно сегодня.

— Нет, думаю, не сегодня, — признала Мэрилин. — Может, вчера.

О, эта Пола и впрямь настоящая ведьма! Как она могла сказать такую гадость?

— Ну, я не верю, что Оливье говорил такое, Мэрилин. Возможно, он просто потерял терпение, а Пола все не так поняла.

— Ты думаешь, я умею играть, Колин?

Я тяжело опустился на край постели. Ну вот, приплыли. Насколько неуверенным в себе может быть человек?!

— Нет, я думаю, что ты не умеешь играть! Не умеешь играть так, как это понимает Оливье. И слава богу, что не умеешь! Оливье убежден, что существует один единственный правильный способ исполнения — его собственный, разумеется. Оливье может отлично сыграть свою роль, но по большей части у него получаются ослепительные пародии, великолепные карикатуры. Он великий актер сцены. Он способен заставить аудиторию поверить во что угодно. Ему нравятся разные трюки и приемчики, фальшивые носы и забавные парики. Он знает, в чем заключается его мастерство, и тщательно планирует, как шокировать, соблазнить или увлечь. Но если ему приходится играть обыкновенного человека, он просто ужасен. Будто бы ему все время нужно какое-то особенное преувеличение, какой-то штрих — кинжал, горб на спине, искусственный глаз. Без этого он выглядит неуклюжим и застенчивым. В своих ранних фильмах он был ужасно неловок!

— Я видела Вивьен Ли в «Унесенных ветром», — сказала Мэрилин. — Она сыграла просто блестяще.

— Она сыграла блестяще, Мэрилин, потому что она не

пародировала Скарлетт О'Хара, она была Скарлетт О'Хара. Она чувствовала, как Скарлетт О'Хара. Она влезла в свою роль. Оливье это не по силам. Он может без всяких усилий надеть на себя своего персонажа, как костюм, и снять его. Это отлично для сцены, но в фильме такой номер не пройдет. Кинокамера обладает даром разоблачать. Великий киноактер или киноактриса должны полностью слиться с ролью, даже мысленно. И это ты как раз умеешь, Мэрилин. Каким-то непостижимым образом ты это делаешь! Ты играешь лучше Оливье, он это знает и даже готов с этим смириться. Я восхищаюсь им за это. Помни, он великий человек. Он видит твои таланты — меня не волнует, что говорит Пола, — и с радостью уступит тебе всю славу, если фильм будет успешным. Он бы вообще не затеял все это, если бы не был уверен, глубоко внутри, что ты настоящая актриса. То же самое с Марлоном Брандо. Оливье восхищается им, но и боится его. Проблема в том, что ты и Марлон играете совсем не так, как привык он. Но, разумеется, он видит, что за тобой — будущее, и это его немного пугает.

— О, Колин. Что же мне делать?

— Приезжай в студию как можно раньше, дорогая Мэрилин. Никто не говорит, что ты должна вести себя как актриса второго плана, но фильм может быть снят только в том случае, если все будут вовремя появляться в студии. На самом деле я считаю, что тебе надо взять съемки под свой контроль. Ведь «Мэрилин Монро продакшнз» и «Лоуренс Оливье продакшнз» — равноправные партнеры, не так ли? Пора наконец тебе занять твердую позицию. Забудь о бедняжке Милтоне, он просто марионетка. Забудь о Поле, она здесь только для того, чтобы подержать тебя за руку; в любом случае она боится тебя до смерти. Забудь даже о мистере Миллере. Он не может принять на себя удар. У тебя будет достаточно времени, чтобы стать ему образцовой еврейской женой, когда ты вернешься в Бронкс. Ты должна войти в студию маршем и взять все в свои руки. Говори всем прямо: «Именно так я хочу, и именно так это и будет».

— Боже, Колин, ты думаешь, я смогу? Я ужасно боюсь. Боюсь, что, оказавшись перед камерой, я растеряюсь и не буду знать, что делать. Вот было бы у меня несколько приемчиков сэра Лоуренса за рукавом...

— Боже упаси, Мэрилин! Ты хочешь быть дешевой актриской, играющей на публику, как Бетт Дэвис? Разумеется, нет! Ты всегда

знаешь, что делать, когда ты перед камерой. Ты естественна. Невероятно естественна и талантлива. Не бойся. Наслаждайся! Получай от этого удовольствие!

— Колин, тебя послушать — все так легко и просто... Почему у меня такие расшатанные нервы?

— Послушай, Мэрилин. Закончив учебу, я пошел в воздушные силы и стал пилотом. Я летал на одноместных реактивных самолетах каждый день. Когда я был внутри самолета, я сидел впереди и не видел даже крыльев. И порой я смотрел в бескрайнее голубое небо и думал: «Помогите! Что меня держит в небе? Ничего, кроме воздуха. В любую минуту я могу упасть с высоты двадцать тысяч футов прямо в море». Разумеется, я знал об аэродинамике и всей этой ерунде, но бывали мгновения, когда я начинал паниковать, и сердце замирало. Но затем я думал: «Я не должен об этом беспокоиться. Все, что мне нужно делать, — это управлять проклятым самолетом. А это я умею, иначе бы вообще не оказался здесь». И тогда ко мне возвращалось мужество и я снова контролировал ситуацию. И, как видишь, самолет так и не упал.

Мэрилин захлопала в ладоши.

— Ты прав! Я буду летать! Я умею летать! Но прежде всего я должна быть свободна. Свободна ото всех этих таблеток и докторов. Свободна ото всех.

— И от меня.

— О, Колин, нет! Прошу, останься ненадолго. Приляг рядом со мной, пока я не усну. Пожалуйста. Я чувствую, что не перенесу одиночества. Иначе мне опять придется принять таблетки. И, пожалуйста, повторяй мне это почаще... про естественность. Именно такой я и хочу быть.

— Хорошо, Мэрилин. Я останусь еще ненадолго, но теперь нужно поспать.

Я выключил свет, лег на мягкое одеяло и закрыл глаза.

Мэрилин захихикала в темноте.

— Естественность... Как думаешь, ты и я — мы сможем когда-

нибудь быть естественными?

— Не знаю, Мэрилин. Вероятно, когда закончатся съемки... Это было бы чудесно.

— М-м-м, — сказала Мэрилин и взяла мою руку в свою. — Естественность — это чудесно...

Меньше чем через час она проснулась.

— Колин! Колин! — закричала она.

Я резко сел на постели в полной темноте и стал искать, где включается свет. Слава богу, я заснул одетым. Даже не снял ботинки.

— Больно. Больно...

Мэрилин лежала на спине, сжимая живот. Она была бледной, как привидение.

— Что случилось? — Я потрогал ее щеку. Температуры, похоже, не было. — В чем дело?

— Это спазмы. У меня спазмы. Ужасно. О нет! Нет! Нет!

— Да что случилось, Мэрилин?

— Ребенок! Я потеряю ребенка!

— Ребенок? Какой ребенок? Ты беременна? — Я никак не мог взять в толк, что происходит.

Мэрилин заплакала. Я никогда не видел ее слез в студии, даже когда Оливье показывал себя с самой худшей стороны. Наверное, я считал, что она — одна из тех, чья жизнь была борьбой и кто испытал столько боли в детстве, что больше не позволит себе проронить ни слезинки.

— Бедная Мэрилин, — произнес я как можно нежнее. — Расскажи мне о ребенке.

— Это был ребенок Артура, — рыдая, проговорила Мэрилин. — Это было для него. Он не знал. Это должно было стать

сюрпризом... Тогда он увидел бы, что я могу быть настоящей женой и настоящей матерью.

Матерью — у меня это в голове не укладывалось!

— Как давно ты беременна?

— Несколько недель, наверное... По крайней мере, у меня задержка уже две недели. И я не решалась никому об этом рассказывать, чтобы не сглазить... Ай! — У Мэрилин начался очередной спазм в животе. Ей было очень больно.

— Я потеряю ребенка... Может быть, это наказание за то, что я так чудесно провела с тобой время...

— Что за вздор! Мы же не сделали ничего плохого! Абсолютно ничего. Я лучше скажу Роджеру, чтобы он немедленно вызвал врача. И пусть он сообщит Милтону. Только ни в коем случае не принимай его таблетки. Привести Полу и Хедду?

— Не говори им о ребенке, Колин. У меня всегда спазмы, когда месячные начинаются. Они к этому привыкли. Просто сейчас гораздо больнее, вот и все.

— Ладно. Но доктору лучше расскажи обо всем, когда он придет. Я скоро вернусь.

— Пожалуйста, возвращайся поскорее, Колин. Пожалуйста, не оставляй меня одну!

Я выбежал из спальни и помчался по коридору в спальню Роджера. Ворвавшись к нему, я включил свет.

— Роджер! Проснись, быстро! Мисс Монро плохо!

— В чем дело? — Роджер в одно мгновение выпрыгнул из кровати и уже натягивал штаны и рубашку.

— Вызови доктора. Ничего серьезного, но ей больно. Оператор знает имя местного врача, который дежурит ночью. Попытайся найти кого-нибудь, кто сможет приехать сейчас же. После этого — но только после этого — можешь разбудить Полу и Хедду. И позвони Милтону. Всё, я должен вернуться к Мэрилин!

Роджер поспешил вниз, к телефону, а я — в спальню. Мэрилин нигде не было, но под дверью ванной виднелась полоска света.

— Мэрилин! Ты в порядке? — позвал я. — Роджер звонит доктору. Он скоро будет здесь.

Мэрилин издала сдавленный стон:

— О-о-о! Столько крови!

— Послушай, Мэрилин, это очень важно. Не запирай дверь в ванную. Если она заперта, протяни руку и открой ее. Даже если тебе придется ползти на коленях. Я обещаю, что не войду. И никого не пущу. Но ты можешь потерять сознание, а доктор должен войти к тебе, как только приедет.

— О, Колин!

Я услышал какой-то шум и стоны, а затем щелчок — задвижка была отодвинута.

— Вот умница.

Роджер появился на пороге спальни.

— Доктор уже едет. Я сейчас позову Полу, а потом позвоню Милтону. Если нужна будет еще какая-то помощь, дайте знать.

И он снова исчез.

— Потерпи еще чуть-чуть, Мэрилин, — сказал я. — Доктор уже в дороге. Скоро боль пройдет.

— Дело не в боли, а в ребенке... Мне нужно было несколько недель соблюдать постельный режим...

— Мэрилин, если этому не дано случиться именно сейчас, значит, не дано. Вы с Артуром находитесь в самом начале пути. У вас будет достаточно времени, после того как съемки закончатся. Не расстраивайся так. Чему быть, того не миновать.

В этот момент Пола, как смерч, ворвалась в комнату. Я едва успел прыгнуть между ней и дверью в ванную комнату, чтобы она

не вторглась к Мэрилин.

— Мэрилин! Мэрилин! Детка! Что Колин с тобой сделал?

— Колин ничего не сделал, Пола, — донесся голос Мэрилин из-за двери. — Не будь глупой. У меня просто очень тяжелые месячные, только и всего.

Пола бросила на меня угрожающий взгляд.

— Я ничего плохого не сделал, — твердо сказал я. — Поверь мне, Пола. Некого винить. Мэрилин просто нездоровится. Менструальные спазмы, только и всего. Мы вызвали доктора на всякий случай. Он должен скоро приехать.

Пола опустилась на ковер рядом со мной — она, как всегда, разыгрывала трагедию.

— Ох, Мэрилин, Мэрилин... Что я могу сделать? Почему Артур не здесь? Он должен быть рядом с тобой. Колин — хороший мальчик, но он не твой муж. О, дорогая, нам придется отменить съемки...

Роджер вновь появился на пороге спальни.

— Я позвонил Милтону. Он тоже едет. Скоро у нас тут будет целый чертов цирк. Я спущусь и дождусь доктора.

Скоро мы услышали, как к дому подъезжает машина.

— Это доктор! — сказал я Мэрилин через дверь.

Но это оказался Милтон.

— Ради бога, объясни мне, что происходит, Колин? Что вы двое натворили? Где Мэрилин? Почему доктор еще не приехал? Вы должны были позвонить сначала ему, а потом мне!

— Мэрилин в ванной и не хочет, чтобы кто-то к ней входил. Повторяю: нет, — сурово произнес я, глядя на Полу, которая встала и сделала движение к двери. — Никто не должен к ней приближаться до приезда врача. Я дал Мэрилин обещание, что никого не пущу к ней.

Из-за двери время от времени доносились стоны, и Милтон с Полой отчаянно пытались сунуть в ванную свой нос, но, к счастью, в этот момент снова послышался шум подъезжающей машины, и на пороге в очередной раз появился Роджер — за ним следовал пожилой мужчина приятной наружности.

— Итак, где пациентка? Что вы все тут делаете?

— Пациентка — это мисс Монро, и... — заговорили Милтон с Полой.

— Пациентка в ванной комнате, вот здесь, — громко сказал я. — А мы все сейчас же спустимся вниз. И я начал выгонять всех из спальни, как пастух — нерадивых овец. — Меня зовут Колин Кларк, доктор, — бросил я через плечо, — дверь в ванную не заперта. Мы оставляем вас наедине с мисс Монро.

И мы вышли.

— Это доктор Коннелл, — услышал я, закрывая за собой дверь в спальню. — Я могу войти?

Внизу, в холле, Милтон и Пола смотрели то друг на друга, то на меня с одинаковой враждебностью.

— Это никак со мной не связано, — сказал я. — Я просто ждал, пока Мэрилин уснет, и собирался поехать домой. Она жаловалась на спазмы в животе и не хотела оставаться одна. Затем она сказала, что ей хуже, и я попросил Роджера вызвать врача.

Больше добавить было нечего, поэтому все молчали. Вскоре, к моему облегчению, к нам присоединилась сонная Хедда Ростен. Хоть Хедда порой и напивалась по вечерам, она была милой и добродушной женщиной, к тому же не принадлежала к миру кино. Если кто и мог утешить Мэрилин, то это была Хедда.

Прошло пятнадцать минут. Наконец спустился доктор.

— Муж мисс Монро здесь присутствует? Нет? Тогда кто из вас главный?

Мы все сделали шаг вперед. Доктор поднял брови.

— Ну, мисс Монро вне опасности. Я сделал ей укол, кровотечение остановилось, и она скоро уснет. Я полагаю, что вы, дамы, — он нахмурился, взглянув на Милтона и меня, — будете приглядывать за ней по очереди. Завтра она целый день должна оставаться в постели, а послезавтра будет уже в полном порядке. Я заеду проведать ее завтра днем.

У всех нас вырвался вздох облегчения. Пола и Хедда пошли наверх — проверить обстановку и решить, кто где спит. Я подозреваю, что Пола хотела, чтобы Мэрилин увидела ее первой, когда проснется утром.

— Я провожу вас до машины, доктор, — предложил я.

— Я тоже, — поспешил сказать Милтон, не желая больше оставлять меня наедине с кем бы то ни было.

— Вы не удивились, обнаружив, что ваша пациентка — Мэрилин Монро, доктор? — поинтересовался я, когда мы вышли на улицу.

— О нет, мистер Кларк! Моя жена — директор балета «Сэдлерс-Уэллс», так что к звездам я привык.

— Директор «Сэдлерс-Уэллс»? Похоже, я ее знаю! Мой отец — один из руководителей оперного театра! А как зовут вашу жену?

— О нет, — простонал Милтон. — Опять ты за свое! Есть вообще кто-нибудь, кого ты не знаешь, Колин?

— Ее зовут Нинетт де Валуа, — ответил доктор.

— О, чудесно! Разумеется, я знаю Нинетт. Я восхищаюсь ею! Какое совпадение! Передайте ей привет. Скажите, что это от одного из близнецов Кларк.

— Хорошо. Могу я спросить вас, мистер Кларк, а что вы делаете в доме мисс Монро в два часа ночи?

— Я работаю над фильмом, в котором снимается мисс Монро. Съемки проходят в «Пайнвуд студиос». И я, эээ... дружу с мисс Монро.

— И с ее супругом, я полагаю? У нее ведь есть муж?

— Он сейчас в Америке. Наверное.

— О, правда? И как давно он уехал?

— Неделю назад. Шесть дней, если быть точным... А что с ребенком, доктор?

Милтон выглядел потрясенным.

— О, так вам об этом известно? — Доктор поднял брови. — Да, мисс Монро действительно была беременна. Срок был около трех недель. Ну, что поделаешь... Она сможет попытаться снова. Это же не конец света. Но мне пора ехать. Спокойной ночи, джентльмены.

Доктор сел в машину и уехал.

— Я тоже лучше поеду, — сказал я.

— Да, Колин, давно бы так. Я говорил тебе, что это закончится слезами.

— Моя совесть чиста, Милтон. По моей вине не было пролито ни слезинки. Я сочувствую Мэрилин, хотя мне и трудно представить ее в роли мамы.

— Вероятно, Колин...

— Знаешь что я тебе скажу, Милтон: я приеду навестить Мэрилин еще раз, завтра. Последний раз, обещаю. После этого я сольюсь с декорациями. Ладно, Милтон? Спокойной ночи.

Сказка закончилась так же драматично, как и началась.
Примечания

1. Это было как сон, ты обнимал меня
всю ночь,
Я твоя, и не важно, что говорят другие
или делают... (Примеч. пер.)

Среда, 19 сентября

«Мэрилин, дорогая, пришло время попрощаться».

Когда на следующий день я ехал в Парксайд-Хаус, я точно знал, что именно мне нужно сказать. Почему-то у меня перед глазами стоял образ Мэрилин на скамейке в саду, в тени букового дерева, в белом халате. Я подойду к ней по газону. Она, очень бледная, полулежит на скамейке с закрытыми глазами. Она молчит, но не спит.

— Мэрилин, дорогая... — репетировал я снова и снова.

Одно было точно: она должна стереть нашу дружбу из памяти. Я позвонил Милтону из студии в восемь утра, и он сказал мне, что Артур Миллер возвращается сегодня, на пять дней раньше, чем было запланировано. О событиях прошлой ночи ему, я полагаю, сообщила Хедда. Я не думал, что Хедда упомянула обо мне, но Мэрилин могла это сделать, — могла рассказать про меня хотя бы для того, чтобы вызвать его ревность. Или ради забавы. Она же сказала Милтону: «Я целовалась с Колином», просто чтобы подразнить его, и это показалось ей невероятно забавным, а нам с Милтоном — совсем напротив. Милтон предупредил меня, что, если Мэрилин привязывалась к кому-либо, она была склонна причислять этого человека к своему эскорту, особенно не задумываясь о последствиях. Ей казалось нормальным иметь двух психоаналитиков, двух наставниц по драмискусству или двух голливудских агентов в одно и то же время. В прошлом — и это мог подтвердить сам Милтон — у нее порой было и по два любовника одновременно. Не потому, что она была двуличной или коварной. Просто она не придавала этому большого значения. Она, казалось, не осознавала, какой эффект производит на тех, кто ее окружает, и как много для них значит. Это касалось и мужей, я полагаю.

Я специально приехал в студию раньше обыкновенного и дождался Оливье у гримерной.

— Доброе утро, парень, — поздоровался Оливье. — Мэрилин уже здесь? Она удивит нас снова?

— Боюсь, что нет, сэр Лоуренс. Ночью она серьезно заболела. По крайней мере, выглядело это серьезно. Пришлось вызвать доктора, и он сказал, что она должна оставаться в постели весь сегодняшний день.

— Боже милосердный. В постели весь день? Звучит

прескверно. И какой диагноз поставил доктор?

— Похоже, это просто очень болезненные месячные. У Мэрилин были жуткие боли, и она потеряла очень много крови.

Я не собирался говорить ему о ребенке. Это было нечто личное, что касалось только Мэрилин и Артура.

— Понятно. Джош Логан предупредил меня, что такое возможно. Похоже, ей всегда требуется один день отдыха в месяц. Мы учли это, когда планировали график. Но, разумеется, мы и без того привыкли к ее отсутствию. Что-нибудь еще?

— Милтон сказал, что Артур возвращается из Нью-Йорка сегодня днем. Я уверен, это поможет. Мэрилин серьезно настроена работать. Ее отношения с Артуром были слегка сумбурны, когда они прилетели сюда, а его отъезд несколько шокировал ее. Я думаю, что теперь все наладится и она сможет сконцентрироваться на своей карьере. По крайней мере до тех пор, пока не закончатся съемки.

— Надеюсь, что ты прав, Колин.

— А мне пора выйти из этого уравнения, Ларри. С твоего позволения я поеду в Парксайд и постараюсь донести это до нее. Между нами ничего не было, но я не хочу, чтобы Артур что-то неправильно понял.

— Да, совершенно верно. Давай, беги. Постарайся узнать, будет ли она завтра. Пожалуйста, заверь ее, что мы все хотим как можно скорее закончить съемки. Лично я уже пожалел, что вообще встретил эту женщину, но об этом ей не говори.

«Какая жалость, что Оливье так и не попытался узнать Мэрилин по-настоящему», — думал я на пути в Парксайд. Мог бы получиться превосходный фильм и чудесный опыт для всех нас.

Когда я приехал, Роджер сказал мне, что Мэрилин не спит. Дом, как обычно, был полон народа. Мэрилин оставалась в спальне — прощай, мечта о тенистом саде, — и я не нашел в себе мужества войти без объявления. Прошел почти час, прежде чем Пола сжалилась надо мной и позвала наверх.

— Мэрилин, Колин пришел. Ты хочешь его видеть?

— Ну конечно! Привет, Колин! Заходи. Только не говори, что ты пришел попрощаться. — Как ей удавалось читать мои мысли? — Но ты же никуда не уезжаешь, правда? Я решила, что хочу как можно скорее закончить съемки. Кстати, именно ты сказал мне, что я должна это сделать. А Пола скоро вернется в Штаты — получать новое разрешение или что-то вроде того. Поэтому мне нужно, чтобы ты поддерживал меня так же, как поддерживаешь сэра Лоуренса.

— Мне жаль, Мэрилин, — сказал я, заметив краем глаза, что Пола присела рядом со мной, — но я думаю, что начиная с сегодняшнего дня тебе не стоит даже смотреть в мою сторону. Сегодня приезжает мистер Миллер, и очень важно, чтобы он даже не догадывался о нашей дружбе. Мы оба знаем, что не сделали ничего дурного. Мы просто хорошо провели время друг с другом. Но мистер Миллер вряд ли это поймет. Он может подумать, что пока кота не было, мыши вели себя как последние крысы.

Мэрилин слабо засмеялась.

— Я думаю, ты прав, Колин. Раньше он не обращал на это особенного внимания, но сейчас стал намного впечатлительнее.

— Мэрилин, дорогая, ты сейчас его жена. И меня не волнует, что ты там прочитала у него на столе, — он боготворит тебя. Как и я.

Мэрилин вздохнула.

— Почему ты никак не можешь поверить, что ты прекрасна? — воскликнул я. — Это из-за того, что тебе пришлось пережить в детстве? Ты считаешь, что все хорошее у тебя все равно отберут, поэтому боишься обнадеживать себя?

— Я тоже обожаю Артура, — прошептала Мэрилин, будто не услышав моих последних слов. — Правда. Он такой сильный и умный. И он настоящий джентльмен. Он всегда обращался со мной как с леди. Я хотела выйти за него замуж с того самого момента, как впервые увидела его в Голливуде, столько лет назад...

Она замолчала.

— Я думаю, вы просто созданы друг для друга, — солгал я. — Тебе нужен кто-то, кто воспринимает тебя серьезно. Кто видит в тебе личность. Обычный мужчина на это не способен.

Мэрилин явно испытала облегчение.

— Боже, Колин! После разговора с тобой мне всегда становится намного лучше.

— Ты потрясающая, Мэрилин. У тебя будет блестящая карьера и блестящая жизнь. Имей в виду, что после того как закончатся съемки этого фильма, ты должна осторожнее подходить к выбору ролей. Возможно, тебе нужно попросить совет у мистера Страсберга. Он разбирается в сценариях.

Пола просияла и сразу же стала моей союзницей. Она поднялась и направилась к двери.

— Я оставлю тебя с Колином, — сказала она.

— Когда съемки закончатся, — продолжила Мэрилин, — я хочу остепениться и быть хорошей женой Артуру. Я научусь делать суп с шариками из мацы так же хорошо, как его отец. Я не буду сниматься больше ни в каких фильмах, пока не покажу Артуру, что могу о нем заботиться. Он больше не захочет бросать меня, это точно.

— Теперь ты понимаешь, почему так важно, чтобы он не заподозрил, что между нами что-то было?

— Но он же не подумает так, правда? Это было бы ужасно.

— Он может. Поэтому ты должна быть очень осторожна. Не нужно говорить ему вообще ничего.

— Ничего?

— Ничего. Просто представь его реакцию, если он подумает, что это из-за меня ты потеряла его ребенка.

Мэрилин тяжело вздохнула.

— Извини за резкость, Мэрилин, и мы оба знаем, что я ничего такого не сделал. Но только вообрази. Что он скажет? Что он

может сделать? Я знаю, что сделал бы я, если бы мы поменялись ролями и твоим мужем был бы я, а не он.

Мэрилин широко открыла глаза.

— Я бы его убил.

— О, Колин... — Она тихо заплакала. — Я так люблю Артура. Как мне показать ему это? Как мне убедить его? Ты думаешь, я смогу когда-нибудь родить ему ребенка? Как ты думаешь, он хочет ребенка? Мы никогда об этом не говорили. Я знаю, он был бы прекрасным отцом. Ну, мне он как отец. Я не могу потерять его. Я попытаюсь загладить свою вину. Я никогда не разочарую его снова.

— Конечно нет, Мэрилин. И я не думаю, что ты его разочаровала. Он просто испуган, как и ты. Вы же оба творческие люди. Ты думала, будет легко? Подобное всегда притягивается к подобному, но два творческих человека всегда будут сталкиваться лбами. Великий писатель, как мистер Миллер, должен быть отчасти эгоистом, чтобы создать очередной шедевр. Так же и ты. Разумеется, такой актер, как Оливье, может просто выйти на сцену и сыграть роль. Но когда ты играешь роль, ты становишься своим персонажем, ты ощущаешь его радость и боль. Невероятное напряжение! Но именно это делает тебя настоящей звездой.

— О-о-о, Колин.

Мэрилин воспрянула духом.

— Так что мне делать теперь?

— Встреть Артура как следует. Только пока никакого секса. Скажи ему, как ты скучала по нему. Скажи, что хочешь остепениться, а потому тебе нужно поскорее закончить работу над фильмом. Скажи, что не будешь беспокоить его, когда он пишет, — Милтон упоминал, что у него сейчас какие-то жесткие сроки. Попроси его приезжать и забирать тебя из студии каждый вечер, после того как Пола уедет. А пока Пола здесь, не позволяй ей оставаться с тобой после семи вечера. Все это хорошие и простые правила, Мэрилин, и их не так уж сложно выполнять.

—Да, сэр, — сказала Мэрилин, отдав честь. — Что-нибудь еще?

— Да. Никогда не смотри на меня, ни единого взгляда. Ты великая актриса, но я не актер, и на моем лице отражается все, что я чувствую.

— А что ты чувствуешь, Колин? Скажи мне.

— Я чувствую, что мне невероятно повезло, ведь я провел несколько дней в обществе самой прекрасной, отважной и красивой женщины в мире, но...

— Но?..

— Но если Артур когда-нибудь упомянет обо мне, ты должна пожать плечами и сказать: «Колин? О, он просто мальчик на побегушках, ноль без палочки».

— О, Колин. Я не смогу так сказать. Но я поняла насчет Артура.

Мэрилин печально опустила глаза. Затем ее лицо вдруг просветлело.

— Вот что я скажу — я буду подмигивать. Никто не сможет помешать мне подмигивать тебе. Но ты должен подмигивать в ответ. Когда все будет плохо, когда сэр Лоуренс будет злиться, я поищу взглядом Колина и подмигну ему. Будь наготове! Пола скоро улетит в Нью-Йорк, поэтому я могу довольно часто мигать.

Это было настолько смелое и по-детски отчаянное решение, что в порыве чувств я поднял руку Мэрилин с кровати и поцеловал ее.

— Я буду подмигивать в ответ, — сказал я. — Не бойся.

Постскриптум

На этом и закончился непродолжительный флирт между молодым человеком двадцати трех лет и прекрасной замужней женщиной, которая была столь же невинной, сколь и зрелой.

Никто, казалось, от этого не пострадал. Да, Мэрилин потеряла ребенка, но, честно говоря, я не мог представить ее в роли матери, как ни старался. Когда она была ребенком, о ней

никто не заботился, и теперь она сама, соответственно, не знала, как заботиться о ком-то. Всякий раз когда она выходила замуж, она отчаянно пыталась окружить вниманием своего мужа, но в конце концов супруги всегда менялись ролями, и под крылышком оказывалась Мэрилин. На мой взгляд, она была — даже страшно сказать — зациклена на собственной персоне.

Мэрилин всегда говорила, что у нее в характере есть нечто безобразное, но, если что-то подобное и впрямь было, я могу во всеуслышание заявить, что никогда этого не замечал. Она была просто растерянной, напуганной и абсолютно не уверенной в себе; кроме того, у нее совершенно отсутствовало чувство индивидуальности, которое необходимо для гармоничной и стабильной жизни. Как и многие знаменитости, Мэрилин понимала, что не может справиться с многочисленными требованиями и надеждами, возлагаемыми на нее, и из-за этого сомневалась в искренности людей, которых подпускала слишком близко. К счастью, я так и не попал в эту категорию, и мы могли остаться друзьями.

Мэрилин была уверена, что у нее есть темная сторона, и этим объясняла тот факт, что все в конечном счете ее бросали. Она не знала, кому может доверять, — вероятно потому, что ответом было: «Никому, никому в целом мире». И так всю ее жизнь.

Люди не шли за ней, в том числе и по той причине, что она сама не знала, куда направляется. Тем не менее Мэрилин достигла цели. С этим никто не поспорит, и, по существу, она сделала это самостоятельно.

Представьте себе, какое количество блондинок проходило через руки этих отвратительных голливудских воротил за одну ночь — и проходит до сих пор! Они все ушли в тень, исчезли бесследно — а Мэрилин нет. Прошло почти сорок лет с ее смерти, а она по-прежнему самая знаменитая кинозвезда в мире.

После нашего маленького приключения съемки на площадке «Принца и хористки» в Пайнвуде шли своим ходом. Мэрилин стала чуть-чуть пунктуальнее и по сравнению с последующими ее фильмами демонстрировала исключительный профессионализм. К примеру, все работы по звукозаписи и синхронизации звука и изображения были закончены за пару дней — гораздо быстрее, чем ожидалось. Мэрилин, судя но всему, решила сначала закончить съемки, а уже после этого — быть идеальной женой для

Артура Миллера. Хотя она так и не перестала смотреть на него с благоговением и выполнять все его просьбы, даже самые незначительные.

Мэрилин и правда иногда подмигивала мне в студии, особенно когда ситуация становилась взрывоопасной и Лоуренс Оливье готов был потерять терпение. Но так как перемигивание могло ослабить напряжение, Оливье не возражал. На самом деле по завершении съемок он взял меня в театр в качестве своего личного помощника. Два года спустя я уже подмигивал из-за кулис венского «Бург-театра» его жене, Вивьен Ли, которая к тому моменту стала такой же неуравновешенной, какой всегда была Мэрилин. Вероятно, я был рожден подмигивать.

С тех пор как Мэрилин улетела обратно в Америку, я больше никогда с ней не говорил, но однажды я получил от нее весточку, по крайней мере мне нравится так думать. В начале 1961 года один мой друг из офиса Оливье связался со мной в Нью-Йорке и сообщил, что Мэрилин Монро звонила прошлым вечером и оставила свой номер, чтобы я перезвонил. Он не говорил с ней лично, а нашел записку на столе. Разумеется, кто-то мог просто подшутить. Я всегда поддерживал Мэрилин, хотя делать это было все сложнее, потому как ее состояние становилось все менее стабильным. Остальные в компании Оливье, включая самого Оливье, радовались новостям об ухудшении ее состояния, так как это доказывало, что их мнение о ней с самого начала было верным. Только ближе к концу своей жизни Оливье немного смягчился.

Должен признать, что, получив это сообщение, я какое-то время пребывал в нерешительности. Во-первых, существовала вероятность розыгрыша, а во-вторых, я был не уверен, что сумею сладить с расстроенной Мэрилин по телефону. Она славилась своими долгими бессвязными телефонными разговорами, а я знал, что ничем не могу ей помочь. Было уже слишком поздно подмигивать.

В конце концов я набрал-таки номер и долго слушал гудки в тишине калифорнийской ночи. Никто не ответил, и я — стыдно признаться — почувствовал облегчение. И не потому, что для нее уже не было места в моем сердце. А потому, что к тому моменту уже никто не мог ей помочь.

Бедная Мэрилин. Время вышло.

Приложение. Письмо Колина Кларка Питеру Питту-Миллворду, 26 ноября 1956 года

Дорогой Питер!

Наконец-то съемки закончились, и я вернулся в Лондон. Ты и представить себе не можешь, какое облегчение я испытываю: мне больше не приходится подниматься в 6:15 утра и целый день торчать в душной, забитой народом киностудии со всеми этими вздорными дивами. Съемки заняли в общей сложности восемнадцать недель, включая две недели на подготовку, и успели нам смертельно надоесть. Я вспоминал о тебе каждый вечер, и не всегда с нежностью, потому что это случалось, когда я, как и обещал, делал записи в своем дневнике. Проблема в том, что я обычно очень уставал и не находил в себе сил печатать, или же мое стучание по клавишам могло разбудить весь дом, поэтому я писал дневник от руки. Мой почерк становился все хуже и хуже, пока, наконец, не стал, в сущности, совершенно неразборчивым, и теперь мой дневник напоминает кашу. Я, возможно, перепишу его однажды, но я в этом почему-то сомневаюсь. Да и кто вообще захочет в подробностях знать о том, как снимается фильм? Однако скажу тебе, что работа с Мэрилин и Оливье стала для меня бесценным опытом. Я не думаю, что получившийся фильм будет сколько-нибудь лучше, чем мой дневник, но они оба стоят внимания. Я продолжу работать с Оливье через несколько недель — теперь уже в театре; а с Мэрилин, по всей видимости, больше уже не увижусь, хотя определенно никогда ее не забуду. Что и говорить — даже ты ее поклонник, а ты ведь не видел ни одного фильма с ее участием.

Знаешь, в чем особенность Мэрилин? В том, что она всегда разная. Она может быть нежной, забавной и невинной; может быть сильной, амбициозной и предприимчивой; может казаться совершенно не уверенной в себе; а может весьма достоверно сыграть Офелию после ухода Гамлета. Она прекрасная актриса, по-своему — не как Оливье, разумеется, но я лично думаю, что она лучше его сыграла в этом фильме, — и ее невероятно сложно подвести под какое-то определение.

Бедняга Оливье совсем этого не оценил. Он разглядел в ней только голливудскую блондинку, которая всегда опаздывает, забывает свои слова и отказывается слушать его указания. Я думаю, что, когда он впервые ее увидел и согласился снимать

этот фильм, он думал, что у него с ней будет роман. Но спустя несколько недель он был готов задушить ее своими собственными руками. Мэрилин сообразительнее, чем кажется на первый взгляд, и она прекрасно понимала, как к ней относятся Оливье и вся его вымуштрованная английская команда. У нее была своя группа поддержки, которую она привезла с собой из США: ее партнер Милтон Грин, Пола — супруга Ли Страсберга, секретарша по имени Хедда и, конечно же, новый муж Артур Миллер. Но я определенно не пожелал бы иметь такую команду... Они все евреи — как и ее адвокат, ее агент и специалисты по связям с общественностью, — тогда как сама Мэрилин типичная калифорнийская блондинка. Откуда им знать, как устроен ее мозг!

Неудивительно, что бедная женщина часто выглядит такой растерянной!

Когда Мэрилин только прилетела в Лондон, я о ней особенно не думал. В конце концов, я хорошо знаком с Вивьен Ли, а Мэрилин украла роль Вивьен в этом фильме, и все мои симпатии были на стороне супругов Оливье. Но вышло так, что и я поддался соблазну — у Мэрилин на самом деле очень мощная аура. Постепенно мне становилось недостаточно видеть ее на съемочной площадке. Я был намерен узнать ее получше — хотя, учитывая, что как третий помощник режиссера я был самой незначительной фигурой на площадке, это казалось мне маловероятным. Однако нет ничего невозможного!

Я участвовал в подготовке к съемкам и именно я нанял для Мэрилин прислугу и телохранителя (бывшего полицейского из Скотленд-Ярда), а также арендовал дом, в котором она жила. Поэтому однажды вечером я придумал предлог и поехал туда попытать счастья. Вообрази себе мое удивление, когда я и в самом деле встретил великую звезду, но не при таких обстоятельствах, которых ожидал. Я был совершенно ошеломлен — так ошеломлен, что целую неделю не вел дневник, а когда продолжил это делать, то изменил даты на тот случай, если он попадется кому-нибудь в руки. Я со всей серьезностью полагал, что меня могут засудить или грохнуть. Трудно представить, какие суммы денег вращаются вокруг белокурой мисс Монро. Окружающие ее люди вынуждены быть беспощадными.

А случилось следующее: выпив больше чем нужно с Роджером (бывшим копом), я пошел в туалет и наткнулся прямо на

Мэрилин. Она сидела на полу в темном коридоре перед дверью своей спальни. Поссорилась ли она с Артуром Миллером или нет, не знаю. Она просто посмотрела на меня и ничего не сказала, поэтому я дал задний ход настолько быстро, насколько мог, и надеялся, что это сойдет мне с рук. Если бы на следующий день она устроила скандал по этому поводу, меня бы уволили без лишних раздумий. Мэрилин этого, слава богу, не сделала, но оказалось, что она запомнила меня. После съемок она позвала меня к себе в гримерную и спросила, не шпионю ли я за ней. К счастью, я мог положа руку на сердце сказать, что я никакой не шпион. Должен признать, мне стало жаль ее. У нее немного настоящих друзей (если они вообще есть), а теперь еще и Миллер сказал ей, что уезжает в Париж, а затем летит в Нью-Йорк и вернется только через десять дней. А у них по идее медовый месяц. Я был невероятно признателен Мэрилин за то, что она никому не сказала о моей дурацкой эскападе, и тотчас поклялся ей в своей вечной преданности. Вероятно, я несколько поспешил, учитывая тот факт, что моим начальником был Оливье.

Я никому не стал говорить о том, что произошло. На самом деле я был совершенно уверен, что этим все кончится. Но на следующий день Мэрилин позвонила мне — позвонила! — когда я был в гримерной у Оливье. В тот день она не появилась на работе, потому что провожала Миллера, и попросила меня заехать в Парк-сайд по пути домой. Я решил, что она хочет передать какую-то информацию для Оливье. Ей слишком нелегко давалось говорить с ним напрямую. Я не сказал Оливье, куда направляюсь, — он мог подумать, что я что-то замышляю у него за спиной. Затем, когда я приехал к Мэрилин в дом, она попросила меня остаться на ужин, и я догадался, что она просто одинока и хочет с кем-нибудь поболтать. Я на шесть лет младше нее, и, как я полагаю, она считала меня человеком, который ничего не будет от нее требовать.

Так мы болтали и в целом отлично ладили, пока Миллеру — да, я знаю, что он ее муж! — не приспичило позвонить ей из Парижа. Мэрилин моментально вся сжалась и напряглась, и я сбежал.

На следующий день Мэрилин не появилась в студии — Оливье дал ей выходной, — но все уже были в курсе, что накануне я с ней поужинал. Оливье это ужасно позабавило. Он не сомневается в моей преданности, и у него на это есть все основания. А вот Милтона Грина, партнера Мэрилин, чуть удар не

хватил. Вдобавок ко всему Мэрилин заявила Миллеру, что я был у нее в гостях, когда он позвонил, — наверное, чтобы заставить его ревновать. Кульминацией всего этого действа стало то, что мне запретили когда-либо заговаривать с Мэрилин снова — под страхом смерти. «Печально, — подумал я, — но что ж поделаешь!» Однако, как я вскоре узнал, нельзя было связаться с Мэрилин, не ввязавшись в историю.

Наступила суббота. Я жил в доме с супругами Тони и Энн Бушелл, которые дружат с Оливье. Тони — первый помощник режиссера и, ясное дело, не в восторге от Мэрилин. Незадолго до ланча Роджер — коп — подкатил к дому Тони на своей старой машине и объявил, что забирает меня с собой. Не успели мы толком отъехать от дома, как из-под пледа на заднем сиденье внезапно вынырнула Мэрилин. Со мной чуть инфаркт не случился, не говоря уже о Тони Бушелле. Она сказала, что устала сидеть в четырех стенах и ей хочется приключений.

Я отвез ее в Виндзорский замок, где мы увиделись с моим крестным Оуэном Морсхедом, который работает там библиотекарем. Он устроил нам шикарный тур по замку, который очень понравился Мэрилин, а затем мы съездили в Итон. Был чудесный летний день, и Мэрилин вела себя естественно и непринужденно, но я, тем не менее, был насторожен. В конце концов, она же самая знаменитая звезда в мире! И в какой-то момент она умудрилась продемонстрировать все свое могущество. «Мне нужно стать Мэрилин Монро?» — спросила она, когда мы вышли из Виндзорского дворца, и приняла свою излюбленную позу. Ее сразу же узнали, и вокруг нее начала собираться толпа. В итоге мы еле-еле протиснулись в машину и дали деру.

Когда мы вернулись в Парксайд, меня ждал адвокат Мэрилин. Он прямо-таки сыпал угрозами. Но Мэрилин выпрямилась во весь рост и заявила ему, что если он тронет меня хотя бы мизинцем, уволят его, а не меня. Но даже несмотря на это, в воскресенье я ходил с опущенной головой. Надо мной подшучивали, говорили, что у меня с Мэрилин роман, и это, разумеется, мне льстило, но согласись — звучало довольно абсурдно. Потом приехал Милтон Грин и прочитал мне длинную лекцию о том, как опасно связываться с Мэрилин. Он вообще, похоже, считает ее своей собственностью. Я согласился с тем, что разумнее всего остановиться, пока не поздно.

В понедельник съемки шли своим чередом. Мэрилин не появилась, и я решил, что все кончено.

Но в середине ночи бедняжка Милтон появился опять — на этот раз под окнами моей спальни. Он попросил меня одеться как можно скорее и поехать вместе с ним в Парксайд. Мэрилин заперлась в своей комнате и никому не отвечала. «А зачем ей было отвечать?» — подумал я, но, полагаю, мне польстило, что именно ко мне обратились за помощью. Итак, я отправился в Парксайд и влился в стадо овец, блеявших под дверью. В конце концов мне в голову пришла одна идея. Я взял с собой копа Роджера, и мы отправились в гараж, где нашли лестницу. Я прислонил ее к стене прямо под окном Мэрилин и влез в ее спальню. Все, что мне нужно было сделать, — это открыть дверь изнутри, чтобы ее компаньонки смогли наконец войти и убедиться, что с ней все в порядке. Я слышал, как она дышит, — так что, по крайней мере, она была жива. Но Мэрилин вытащила ключ из замка, поэтому я не мог выйти из спальни, не разбудив ее и не будучи пойманным с поличным. Я вернулся к окну, но Роджер и лестница исчезли во мраке ночи, поэтом)7 мне не оставалось ничего другого, кроме как вздремнуть и до ждаться рассвета, — тогда я смог бы найти ключ и благополучно сбежать. Однако часом спустя Мэрилин проснулась. Сначала она, разумеется, очень испугалась, ведь она ясно помнила, что заперла дверь на ключ. Я попытался успокоить ее, а затем она вдруг решила, что я забрался к ней в окно, прямо как Ромео у Шекспира, и это так мило! Мэрилин сказала, что не хочет оставаться одна, поэтому я провел остаток ночи с ней (даже не думай — я вел себя безупречно) и убедил ее на следующий день приехать в студию пораньше. Она послушалась, и ее своевременное появление так впечатлило Оливье и всю команду, что я стал чуть ли не героем.

На следующий вечер я решил, что больше на ночь не останусь, но Мэрилин внезапно почувствовала себя очень плохо, поэтому я согласился побыть с ней, пока она не заснет, — у нее большие проблемы со сном и она часто принимает таблетки, как и ты. Но затем у нее начались ужасные спазмы, и мне пришлось разбудить весь дом и вызвать доктора. (Можешь себе представить, он оказался мужем Нинетт де Валуа, директора балета «Сэдлерс Уэллс», с которой я хорошо знаком. Какое совпадение.) Мэрилин, казалось, была вне опасности, поэтому я сбежал. Знаешь, после двух таких ночей, люди запросто могут составить себе неверное впечатление и подумать, что я сделал что-то, из-за чего Мэрилин

стало плохо. А Мэрилин не какая-нибудь костюмерша без имени. Кроме всего прочего, она замужем, и — о, разумеется! — Артур Миллер примчался из Нью-Йорка на следующий день, на четыре дня раньше, чем планировал. Я вынужден был всю неделю прятать лицо и снова стал маленьким мальчиком на побегушках, на которого все могли орать. Но что это было за приключение!

Я отправил тебе это письмо вместо дневника — этот фрагмент все равно лучшая его часть, если ты понимаешь, о чем я. Вероятно, все описанное покажется тебе бредом сумасшедшего, но ты, пожалуйста, сохрани это письмо до тех пор, пока я не приеду. Я заберу его у тебя и вложу в дневник. И когда-нибудь, надеюсь, приведу написанное в нормальный вид.